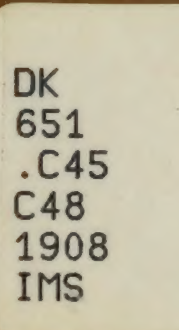
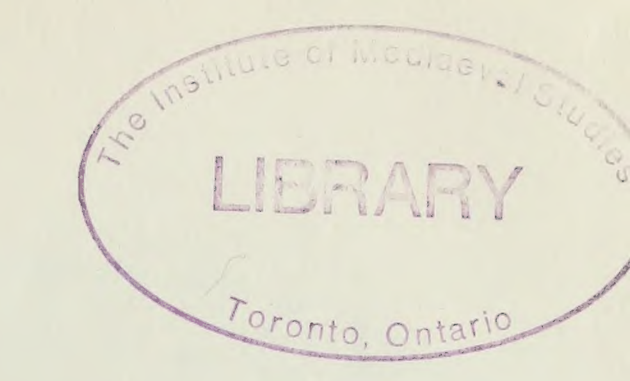


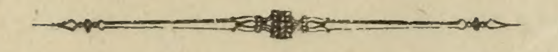


ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

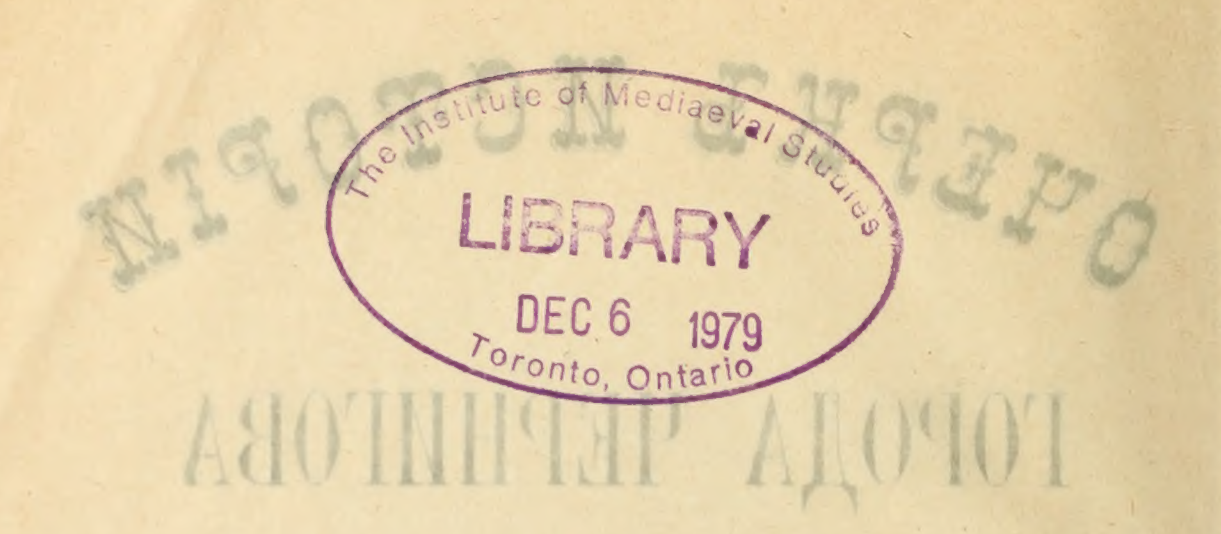
ГОРОДА ЧЕРНИГОВА

907—1907

Юбилейное изданіе Черниговской Городской Управы



ЧЕРНИГОВЪ
Типографія Губернскаго Земства
1908



Очеркъ исторіи города Чернигова.

Черниговъ княжеско-вѣчевого періода 907—1356

Въ прошломъ 1907 г. исполнилось тысяча лѣтъ лѣтописной извѣстности города Чернигова *). По словамъ лѣтописи, князь Олегъ въ 907 г., послѣ побѣды надъ греками у Царь-Града (Константинополя), обязалъ ихъ выдавать «уклады» (опредѣленныя суммы денегъ) на русскіе города: первое на Кіевъ, тоже на Черниговъ и на Переяславль и на Полтескъ и на Ростовъ и на Любечъ и на прочія городы, по тѣмъ бо городамъ сидяху велиции князья подъ Ольгомъ суще.

По этому договору съ Византіей было выговорено право безпошлинной торговли «не платяче мыта ни въ чемъже».

Изъ лѣтописнаго упоминанія мы узнаемъ, что Черниговъ входилъ въ 907 г. въ составъ русскаго государства и былъ значительнымъ городомъ, вторымъ послѣ матери русскихъ городовъ Кіева, что въ Черниговѣ, какъ центрѣ земли, былъ и князь, подчиненный Кіевскому князю Олегу, что Черниговъ участвовалъ въ походахъ, предпринимаемыхъ древними руссами на Грековъ и пользовался торговыми выгодами, выговоренными въ договорахъ, заключенныхъ съ Греками.

Слѣдовательно въ 907 году Черниговъ является уже крупнымъ торговымъ военно-политическимъ центромъ своей земли (Сѣверской). Появленіе такого центра могло быть лишь результатомъ сложнаго и продолжительнаго историческаго процесса и слѣдовательно возникновеніе Чернигова надо отодвинуть въ глубь вѣковъ задолго до 907 г.

Возникновенію здѣсь Черниговскаго поселенія способствовали съ одной стороны—защитное положеніе даннаго пункта между Десной и Стрижнемъ на значительной возвышенности, а съ другой—возможность пользоваться р. Десной и впадающими въ нее рѣчками, какъ торговыми путями.

Дѣйствительно слѣды городища (Валъ) и обиліе кургановъ по окраинамъ Чернигова доказываютъ, что этотъ городъ является исконнымъ цен-

*) Происхожденіе названія Черниговъ не ясно; дѣлали попытку произвести слово отъ имени невѣдомаго князя Чернаго, будто бы похороненнаго въ Черной Могилѣ, но съ такимъ же правомъ можно допустить предположеніе, что Черниговъ значитъ—Черный Гай (Черный лѣсъ).

тромъ Сѣверянъ, поселившихся по р. Деснѣ въ VII в. Сѣверяне въ VII—VIII подчиняются Хозарамъ, а въ концѣ IX в. входятъ въ составъ вновь возникшаго въ Поднѣпровьѣ русскаго государства, будучи покорены Олегомъ.

Какъ съ Хозарами, такъ и съ Кіевскимъ государствомъ Сѣверянъ связывали торговые интересы.

Въ старину «градъ» отъ «веси» (села) отличался тѣмъ, что это былъ пунктъ, огражденный стѣнами, насыпями. Необходимость укрѣпить мѣсто свидѣтельствуетъ о наличности интересовъ, которые надо было охранять отъ нападенія врага,—территоріально-политическихъ и торгово-экономическихъ. Послѣдніе интересы играютъ важную роль и въ войнахъ. Въ договорахъ съ Греками, заключенныхъ въ Константинополѣ 911 г. при Олегѣ и 944 г. при Игорѣ говорится, что «в. князь русскій и бояре его да посылаютъ въ Греки корабли, елико хотять, со слы (послами) и съ гостьми; и возьмутъ гостье (получатъ отъ грековъ) мѣсячное (содержаніе), первое отъ Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля и да творятъ куплю, яко же имъ надобѣ, не платяче мыта ни въ чемже».—Выговорено такимъ образомъ право безпошлинной торговли и полученіе продовольствія. Въ мирное время охрана торговыхъ путей, конвоированіе купеческихъ каравановъ, отстаиваніе торговыхъ льготъ занимаютъ видное мѣсто въ политикѣ Чернигова и др. городовъ. Этимъ обусловлено и тяготѣніе Чернигова къ Кіеву—громадному торговому центру на р. Днѣпрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сосѣдство этого центра препятствовало развитію сѣверянскихъ торговыхъ и вѣчевыхъ центровъ-Любеча и Чернигова.

Древне-русское хозяйство, при изобиліи естественныхъ богатствъ страны, давало въ избыткѣ сырье: шкуры, медъ, воскъ; князь и бояре получали содержаніе и доходы со своихъ частныхъ хозяйствъ тѣми же предметами; недостаточно развитая обрабатывающая промышленность не могла потребить всего сырья и удовлетворить спросъ на предметы домашняго комфорта и роскоши: золото, паволоки (шелковыя ткани), вино, овощи. Отсюда вытекаетъ неизбѣжность торговаго обмѣна съ болѣе культурными странами востока и юга (Византіи), а равно и запада.

Больше всего дошло до насъ свѣдѣній о торговлѣ съ Византіей по Днѣпровскому пути—Греческому. Зимой предметы торговли подвозились къ берегамъ рѣкъ, гдѣ заготовлялись ладьи, на которыхъ торговцы спускались къ Кіеву; отсюда купцы громадными караванами, подъ охраной военныхъ дружинъ, двигались по Днѣпру за море. Когда караванамъ угрожали

серьезныя нападенія враждебныхъ народовъ, напр. Половцевъ, то Черниговскіе и Кіевскіе князья выходили съ войсками для охраны торговыхъ людей.

Кромѣ Греческаго пути по Днѣпру, были еще торговые пути: Соленый (по соль) къ Черному и Азовскому морямъ и Залозный (за лозами) въ Подонье и Поволжье. По этимъ путямъ совершались торговыя сношенія съ Сѣверянской колоніей Тмутараканью и восточными народами—Хозарами, Арабами. Затѣмъ, черезъ Сѣверщину совершались торговыя сношенія съ Волжскими Болгарами.

Свѣдѣнія о состояніи Чернигова въ IX и X в. в. дополняютъ данныя, добытыя при раскопкахъ.

Самымъ древнимъ памятникомъ въ Черниговѣ, свидѣтельствующимъ о зачаткахъ общественности, является возвышенность на Валу, доминирующая надъ р. Десной и прилегающимъ континентомъ, отъ котораго эта возвышенность отрѣзана рвомъ.

Это остатокъ стариннаго «городища», служившаго въ доисторическое время укрѣпленнымъ пунктомъ для возникшаго здѣсь Сѣверянскаго поселенія. Городище служило и мѣстомъ собранія (вѣча) племени въ важные и трудные моменты общественной жизни—нападенія врага, рѣшенія вопроса о войнѣ, здѣсь же отбывались и первыя повинности по укрѣпленію городища.

Съ Вала видна группа большихъ кургановъ на Болдиныхъ горахъ (въ Троицѣ), такой же громадный курганъ—Черная могила расположенъ въ саду мужского духовнаго училища, другая группа кургановъ на упраздненномъ Березковскомъ кладбищѣ; это древнѣйшія кладбища; тамъ покоятся останки нашихъ предковъ, подвергавшихся сожженію согласно тогдашнему ритуалу похоронъ. Устройство столь громадныхъ памятниковъ не могло быть дѣломъ частныхъ лицъ, это дань уваженія къ памяти покойника со стороны рода и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, всего населенія. Чѣмъ больше курганъ, тѣмъ знатнѣе и почетнѣе покойникъ. Въ Черной могилѣ, по преданію, похороненъ князь Черный; при раскопкахъ, дѣйствительно, найдены обожженные доспѣхи знатнаго воина и 2 кубка изъ рога въ изящной серебряной оправѣ съ орнаментомъ въ видѣ фигуръ людей, звѣрей и растеній. Въ Черниговской же могилѣ найдены мечи хорошей работы.

Среди обожженныхъ костей покойниковъ находятся кости мелкихъ животныхъ, остатки одежды, обуви, украшеній (кольца, бусы), домашней утвари, оружія и т. п.

Разнообразіе предметовъ культурнаго обихода опровергаетъ мнѣніе лѣтописца о дикости Сѣверянъ.

Въ упомянутыхъ договорахъ Черниговъ фигурируетъ какъ автономная политическая единица, въ которой сидитъ подручный Кіевскому князю великій, или свѣтлый князь. Кто были эти князья, мѣстной ли династіи или варяжской, не извѣстно; правдоподобно, это были князья такого же происхожденія, какъ Олегъ, ибо слѣдовъ мѣстныхъ князей лѣтописная традиція не сохранила.

Такая зависимость отъ Кіева продолжалась до 1024 года, когда Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, отнялъ Черниговъ съ Сѣверской землей у своего брата Ярослава, разбивъ его подъ Лиственомъ. Мстиславъ раньше былъ княземъ въ Тмутаракани (Тамани въ устьяхъ Кубани), колоніи Сѣверянъ, поэтому, быть можетъ, и нашелъ поддержку у Придесенскихъ Сѣверянъ; съ этого момента Черниговъ становится центромъ управленія Лѣвобережной Руси, а впослѣдствіи Черниговской земли.

Памятникомъ Мстиславова управленія, этого перваго извѣстнаго Черниговскаго князя, остался Спасскій Соборъ, начатый имъ постройкой; въ моментъ его смерти «1036 г.» стѣны храма были выведены настолько, сколько «можно было достать рукою, ставъ на лошадь».

Этотъ храмъ сталъ усыпальницей Черниговскихъ князей, первымъ похороненъ Мстиславъ, далѣе Святославъ, хотя послѣдній умеръ въ Кіевѣ, будучи тамъ великимъ княземъ; тоже случалось и съ другимъ князьями, когда они умирали за предѣлами Чернигова.

Въ управленіи Мстиславъ опирался на дружину, пришедшую съ нимъ изъ Тмутаракани. Осматривая утромъ побоище подъ Лиственомъ и увидя груды убитыхъ, онъ воскликнулъ,—какъ не радоваться, здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, а здѣсь Варягъ (Ярославовъ изъ Новгорода), а собственная его дружина цѣла. Это характерная особенность, проливающая свѣтъ на отношенія первыхъ князей къ населенію. Мстиславъ любилъ дружину и не щадилъ для нея своего имущества.

По смерти Мстислава Черниговъ переходитъ къ Ярославу, который здѣсь посадилъ своего сына Святослава. Во время княженія Святослава Половцы проникли до Сновска (Седнева), гдѣ и были разбиты въ 1068 г. Гонимый Изяславомъ св. Антоній удалился изъ Кіева въ Черниговъ и здѣсь положилъ начало монастырю св. Богородицы (Елецкому). Самый же монастырь, по свѣдѣнію, сообщенному епископомъ Зосимой Прокоповичемъ, устроенъ Святославомъ. Святославъ вообще извѣстенъ, какъ покровитель

просвѣщенія, онъ собралъ обширную библіотеку, съ его именемъ до насъ дошелъ извѣстный литературный памятникъ Сборникъ Святослава.

Послѣ смерти Святослава на нѣкоторое время братъ его Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ Мономахомъ отнимаютъ Черниговъ у наслѣдниковъ Святославичей, которые уходятъ въ Тмутаракань и оттуда, при помощи Косоговъ и Половцевъ, возстановляютъ свои права на Черниговъ. Черниговцы, а равно и Стародубцы поддерживали Святославичей. Окончательно водворились Святославичи въ своей отчинѣ послѣ княжескаго конгресса въ Любчу въ 1097 г. Черниговъ получилъ Давидъ Святославичъ—строитель Борисоглѣбскаго собора, а Новгородъ-Сѣверскъ—Олегъ. Черниговъ и его монастыри не разъ были сожжены во время этой усобицы.

Поселеніе Чернигова мѣстилось въ то время въ углу между р. Стрижнемъ и краемъ Болдиной горы и было сильно укрѣплено двойной оградой: окольный градъ или предмѣстье, въ которое вели ворота со стороны р. Стрижня, были и другія ворота съ противоположной стороны; внутри было второе укрѣпленіе дѣтинецъ-кремль на столько сильное, что противники не могли имъ овладѣть и брали его осадой; причемъ выжигали и опустошали окольный градъ.

Дѣтинецъ заключалъ правдоподобно старое городище (Валъ) съ княжимъ дворомъ и соборомъ. На княжемъ дворѣ впослѣдствіи была построена церковь св. Михаила; фундаменты этой церкви и теперь сохранились на обрывѣ за усадьбой уѣзднаго земства. Правдоподобно также, что планъ княжескаго дѣтинца совпадаетъ съ границами бывшей крѣпости и простирался не дальше бульвара и шоссе.

Княжій дворъ и Соборная площадь явились для княжескаго Чернигова мѣстами административно-военнаго и общественнаго управленія. Вѣче въ городахъ обыкновенно собиралось у княжескаго двора или передъ главнымъ храмомъ: въ Кіевѣ—у Софіи. А вѣче и князь два основные элемента древне-русскаго управленія.

Князю принадлежала власть военная, административная и судебная; вѣчу—избираніе или утвержденіе князя на столѣ, рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, судъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, а равно и рѣшеніе другихъ дѣлъ, которыя князь желалъ обсудить на вѣчѣ.

Единеніемъ этихъ двухъ органовъ обезпечивался порядокъ управленія: при отсутствіи солидарности, населеніе страдало отъ нестроенія, а князь могъ легко лишиться своего стола, оставшись безъ поддержки населенія, выразителемъ котораго было вѣче. Помня это, князь заботился о населеніи и прислушивался къ общественному мнѣнію, а населеніе берегло и под-

державало своихъ Святославичей въ столкновеніи съ князьями другихъ линій (Мономаховичей), опасаясь, что чужой князь, водворившійся силой, будетъ злоупотреблять своимъ положеніемъ.

Отсюда первая обязанность и интересъ князя — оборона страны—градодѣланіе, укрѣпленіе города; предводительствованіе народнымъ ополченіемъ, въ составъ котораго входили всѣ классы населенія, начиная отъ боярина и кончая смердами (поселянами). Ядро ополченія составляла княжеская дружина, представлявшая его постоянную свиту и тѣлохранителей. Кромѣ того князья имѣли наемные отряды изъ инородцевъ: Половцевъ, Торковъ, Черныхъ, Клобуковъ. Такъ Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ имѣлъ отрядъ Коуевъ*). Ополченіе составляло полкъ или тысячу (такъ была Сновская тысяча).

Въ Черниговѣ за время исторіи вѣче мало себя проявляло, ибо не было конфликтовъ съ династіей Святославичей.

Единственный разъ Черниговское вѣче рѣзко заявило о себѣ въ 1138 г. Ольговичи почти всегда имѣли счеты съ Кіевскими Мономаховичами, ибо домогались Кіева, ссылаясь на то, что предокъ ихъ Святославъ былъ Великимъ Кіевскимъ Княземъ. Когда счастье въ борьбѣ повернулось на сторону Ярополка (Мономаховича), то Черниговскій Князь Всеволодъ Ольговичъ хотѣлъ бѣжать изъ Чернигова къ Половцамъ (съ ними онъ былъ въ союзѣ), но вѣче его не пустило: ты надѣешься скрыться къ Половцамъ, говорятъ Черниговцы, а волость свою губишь, къ чему же тогда воротишься; оставь «высокоуміе» и проси мира, ибо мы знаемъ милосердіе Ярополка (Кіевскаго), онъ не любитъ кровопролитія, но во имя Божіе желаетъ мира, такъ какъ оберегаетъ Русскую землю. Пришлось Всеволоду отправить къ Ярополку парламентеровъ «съ мольбою» и помириться.

Благодаря солидарности Святославичей съ Черниговскимъ населеніемъ, ихъ династія почти непрерывно княжитъ въ своей землѣ. Старшіе въ Черниговѣ, а младшіе въ Новгородъ-Сѣверскѣ и другихъ городахъ. Сначала чередуются Давидовичи и Ольговичи, а впослѣдствіи чередуются двѣ линіи Ольговичей: Всеволода и Святослава.

Твердо установленнаго порядка наслѣдованія столами не было, осуществленіе сего обычнаго права «лѣствичнаго восхожденія» зависѣло отъ

*) Среди принадлежащихъ городу озеръ есть озеро Торчинъ, напоминающее о Торкахъ. Сохранившіяся въ Словѣ о полку Игоревѣ фамиліи Черниговскихъ бояръ Ярослава Всеволодовича указываютъ на наличность инородческихъ элементовъ среди Черниговской знати—Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги, Ольберы.

силы и ловкости претендента и поддержки населенія, представляемаго вѣчемъ. Разъ князь вошелъ въ городъ и заключилъ рядъ съ вѣчемъ, союзнику трудно было выбить его съ позиціи, ибо тотъ имѣлъ опору въ крѣпости и въ поддержкѣ населенія.

Претензіи Ольговичей на Кіевскій*) и другіе столы чужихъ земель— Галицкой и Новгородской вовлекали Черниговъ въ обще-русскія усобицы, ведшія до ослабленія, опустошенія и собственной страны.

Неурядица, порождаемая усобицами, нападенія Половцевъ и ослабленіе торговли въ связи съ экономической угнетенностью низшихъ классовъ таили зародышъ упадка древне-русскаго строя. Рабочую силу составляли рабы, холопы, челядь, ряды которыхъ пополнялись плѣнными, при бракахъ свободнаго или свободной съ рабомъ, нанявшимся безъ договора, неоплатными должниками; послѣднее часто случалось, ибо Русская Правда допускала 20% роста, а практика и выше, долгъ обезпечивался личнымъ закладомъ, въ случаѣ неуплаты, должникъ становился собственностью кредитора. Еще до нашествія татаръ начался упадокъ Поднѣпровья и отливъ населенія на западъ и главнымъ образомъ на сѣверъ въ Поволжье и политическая сила перемѣстилась изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ и въ Галичъ.

Просвѣщеніе, носителемъ котораго было духовенство, и довольно высокая матеріальная культура были доступны, по преимуществу, лишь высшимъ классамъ. Черниговъ для своей земли былъ центромъ просвѣщенія и культуры. Епископія учреждена со времени Владиміра, здѣсь было два или три монастыря—св. Богородицы (Елецкій), Борисоглѣбскій и б. м. Ильинскій, гдѣ, вѣроятно, велись записи о современныхъ событіяхъ, слѣды которыхъ обнаружены теперь въ лѣтописныхъ сводахъ; составлялись «слова» (на перенесеніе мощей Бориса и Глѣба), сказанія, (хожденіе Даніила паломника); въ средѣ Чернигово-Сѣверскихъ дружинъ слагались образцы пѣсенъ; были свои барды, (Боянъ Вѣщій), воспѣвавшіе подвиги князей рыцарей Мстислава, Святослава, Олега; величайшимъ памятникомъ этой дружинной поэзіи, сложенной въ Сѣверской дружинѣ, осталось Слово о полку Игоревѣ, гдѣ воспѣты подвиги Ольговичей и оплаканъ неудачный походъ Сѣверскихъ князей на Половцевъ (1185 г.).

Что касается матеріальной культуры, то памятниками ея останутся такія красивыя сооруженія, какъ величественный Мстиславовъ Спасскій соборъ и храмы: Успенскій, Елецкаго монастыря, св. Ильи, Пятницкій и

*) Въ Кіевѣ удалось княжить: Всеволоду Ольговичу, Изяславу Давидовичу, Святославу Всеволодовичу, Всеволоду Святославичу и Михаилу Всеволодовичу.

Борисо-Глѣбскій, главы которыхъ передѣланы въ позднѣйшее время. Кромѣ того были еще храмы: св. Михаила на княжемъ дворѣ и св. Благовѣщенія, устроены они Святославомъ Всеволодовичемъ (1164—94).

Изъ предметовъ изящнаго искусства сохранились: серебрянный кубокъ Владиміра Давидовича, Черниговская гривна и украшенія хорошей работы. Въ Кіевѣ, въ Университетскомъ музеѣ хранится золотой медальонъ тонкой работы, найденный въ Черниговѣ, съ зубчатымъ ободкомъ, на медальонѣ голубой эмалью изображены два голубка; есть подобные предметы и въ музеѣ В. В. Тарновскаго.

Достаточно было внѣшняго толчка, чтобы княжеско-боярскій режимъ, если не разрушить, то унизить и пріостановить его развитіе, такъ какъ низшіе классы населенія, непросвѣщенные и мало заинтересовванные, не очень стойко поддерживали этотъ строй.

Такой грубой внѣшнеи силой было нашествіе Татаръ. Противъ грознаго врага князья не выставили соединенной силы. Шла борьба между Черниговскимъ княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ и Даніиломъ Галицкимъ не столько за Кіевъ, пришедшій въ упадокъ, сколько за Галичъ; въ 1234 году Даніилъ обложилъ Черниговъ, причемъ поставилъ машины, метавшія въ городъ громадные камни. Михаилъ не выдержалъ осады, оставилъ городъ и Даніилъ овладѣлъ пострадавшимъ Черниговомъ, передавъ его Мстиславу Глѣбовичу, двоюродному брату Михаила. Во время татарскаго похода Батыя, въ Кіевѣ сидѣлъ Михаилъ, въ Галичѣ его сынъ Ростиславъ, а въ Черниговѣ Мстиславъ Глѣбовичъ, онъ оказалъ сопротивленіе татарамъ, но былъ разбитъ и погибъ; Михаилъ и Ростиславъ бѣжали въ Венгрію, городъ взятъ и сожженъ, епископъ уведенъ въ плѣнъ, но выпущенъ въ Глуховѣ. Татары въ религіозномъ отношеніи были индифферентны, духовенство даже было освобождено отъ дани. Если гдѣ храмы и были разрушены, то не вслѣдствіе нетерпимости, а какъ твердыни, гдѣ укрывались осажденные. Черниговскій Спасскій соборъ и другіе храмы однако уцѣлѣли. Татары избивали упорно сопротивляющихся князей, бояръ, отчасти горожанъ, которые стояли во главѣ сопротивленія; объ избіеніи населенія въ Черниговѣ и особомъ его разореніи нѣтъ свѣдѣній.

Черниговъ былъ и раньше не разъ сожигаемъ и разоряемъ во время усобицъ Половцами и князьями, которые и послѣ нашествія татаръ возвратились въ него, поэтому собственно татарамъ нельзя приписать разоренія Чернигова; имъ приписаны тѣ разрушенія, которыя случались и до нихъ и послѣ нихъ.

Дѣйствительно князья возвращаются на старыя пепелища. Михаилъ въ Кіевъ, а Ростиславъ въ Черниговъ, такъ какъ Галичемъ овладѣлъ Даніилъ; затѣмъ Ростиславъ, женившись на угорской королевнѣ, устроился въ Венгріи, а Михаилъ перемѣщается въ Черниговъ, ибо Кіевъ выпросилъ себѣ Ярославъ Суздальскій. Михаилъ отправился въ орду для того ли, чтобы возтановить свои права на Кіевъ, или утвердиться въ правахъ на Черниговъ, но въ Ордѣ его постигла мученическая смерть; онъ отказался исполнить придворныя церемоніи религіознаго характера - пройти между очистительными огнями и поклониться пенатамъ Ханской династіи. Такая же участь постигла и другого Черниговскаго князя Андрея, котораго бездоказательно обвинили въ ордѣ въ томъ, что онъ продавалъ татарскихъ лошадей въ чужія земли.

Но тѣмъ не менѣе въ Черниговѣ продолжаютъ князья княжить, причемъ именуются великими, изъ чего надо заключить, что Черниговъ сохранилъ значеніе стольнаго города своей земли.

Послѣ Михаила Всеволодовича княжилъ Всеволодъ Ярославичъ, далѣе его братъ Андрей Всеволодовичъ, женатый на дочери Василька Волынскаго, затѣмъ Романъ Михайловичъ, извѣстный болѣе подъ именемъ брянскаго. Любецкой синодикъ содержитъ списокъ Черниговскихъ князей до 1401 г., т. е. до того времени, когда Черниговская земля была уже въ составѣ Литовскаго государства.

Вслѣдствіе ли общаго упадка южной Руси, или вслѣдствіе упадка Сѣверщины, благодаря дробленію Черниговской земли на мелкія княженія, наблюдается умаленіе Чернигова въ томъ, что епископская каѳедра временами переносится въ Брянскъ, ибо нѣкоторые епископы именуются дебрянскими (брянскими); есть даже мнѣніе, что и велико-княжескій столъ переносился изъ Чернигова въ Брянскъ, поэтому оккупацію Брянска Литовскимъ княземъ Ольгердомъ считаютъ переходомъ всей Сѣверщины въ составъ Литовскаго Государства.

Литовскій періодъ (1356—1503).

В. княжество Литовское и Русское составилось такъ: сначала въ составъ его вошли коренныя Литовскія земли; потомъ Литовскіе князья подчинили своей власти западно и южно русскія земли вплоть до Западной Двины, верховьевъ Оки и истоковъ Сейма, а на югъ-до Чернаго моря. Русское населеніе составляло $^{9}/_{10}$ въ Литовскомъ государствѣ; благодаря его численному перевѣсу и превосходству культуры, получилось само собой

преобладаніе православной религіи, древнерусской гражданственности, языка и литературы. Литовскіе князья частью обрусѣли, частью ополячились. Складъ жизни въ подчиненныхъ областяхъ сохранился древне-русскій, получилась зависимость отъ В. князя Литовскаго вмѣсто татарскаго хана. Могущественные князья Литовскіе и вмѣстѣ съ тѣмъ талантливые полководцы дали своимъ областямъ фактическую защиту отъ татаръ, что къ нимъ привлекало симпатіи населенія.

Явилась въ лицѣ Великаго князя Литовскаго и Русскаго центральная верховная власть, которой не знала княжеско-вѣчевая Русь, гдѣ вѣче каждаго города со своимъ княземъ было верховной властью. Черниговской землѣ, присоединенной на началахъ широкой автономіи, были сохранены ея автономія и боярскій укладъ съ князьями, которые должны быть «въ покорѣ» Вел. князю. Правда, мѣстные князья Святославичи были удалены, какъ носители верховной власти, несогласившіеся признать власти В. Литовскаго князя, но на мѣсто ихъ являются князья изъ рода Гедимина.

Присоединеніе Сѣверщины совершилось при В. князѣ Литовскомъ Ольгердѣ безъ особой борьбы, поэтому даже опредѣленно не можетъ быть означено; выпадаетъ оно на шестидесятые годы XIV в. Брянскъ перешелъ правдоподобно послѣ похода Ольгерда въ 1356 году и здѣсь въ 1371 г. вмѣсто Романа Брянскаго и Черниговскаго уже сидитъ князь Димитрій Брянскій, сынъ Ольгерда. Принадлежалъ ли этому Димитрію Черниговъ или его брату Димитрію-Корыбуту Новгородсѣверскому, вопросъ историками не рѣшенъ.

Изъ присяжной грамоты Димитрія-Корыбута Новгородъ-Сѣверскаго видно, что Черниговo-Сѣверскіе князья дѣйствуютъ «за доброю радою панскихъ бояръ и всѣхъ земянъ». Мы видимъ, что въ радѣ принимаетъ участіе новый элементъ, классъ служилыхъ людей, земянъ, которые за пользованіе участками земли государственной и даже своей отбывали военныя и другія государственныя повинности, впослѣдствіи земяне слились съ польской шляхтой, сыгравшей столь большую роль въ жизни Южной Руси, въ томъ числѣ и въ Черниговѣ.

Такой земянинъ пользовался не только доходомъ съ земли, но и правами суда, сбора повинностей съ крестьянъ, которые на ней сидѣли. Въ «службы» раздавались незаселенные или запустѣвшіе участки; съ согласія власти «служба» могла быть передана другому лицу или по наслѣдству. Такихъ зависимыхъ отъ князя земельныхъ державцевъ явилась масса; среди нихъ старые бояре и владѣльцы по давности на правахъ собственности постепенно теряются и Вел. князь, считая себя собственникомъ всѣхъ земель

государства, сталъ на всѣхъ владѣльцевъ смотрѣть, какъ на державцевъ. Часто цѣлые округа давались въ держаніе князю или пану (магнату), которые отъ себя передавали землю болѣе мелкими участками слугамъ и боярамъ и имѣли ихъ такимъ путемъ въ зависимости подъ собой. Образовался особаго рода Литовскій феодализмъ, разнящійся отъ Московскаго помѣстнаго строя.

Для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ, избранія высшаго духовенства и другихъ чиновъ, паны земяне и мѣщане составляютъ мѣстныя рады (сеймы), явившіяся дальнѣйшимъ развитіемъ вѣча, но вѣча не одного города, а дѣйствительно цѣлой земли.

При такомъ строѣ горожане оттѣсняются назадъ и теряются среди земянъ; общинныя ихъ земли были розданы служилому сословію; на нихъ взвалена тяжесть денежныхъ и натуральныхъ повинностей.

Между тѣмъ правительство сознавало необходимость развитія городовъ, какъ центровъ торговли, промышленности, дававшихъ въ казну доходы, поэтому оно предоставляетъ имъ по образцу западно-европейскихъ городовъ самоуправленіе, по такъ называемому магдебургскому праву. Уже въ 1387 г. Вильно, столица Литовско-Русскаго государства, воспользовалась этимъ правомъ; постепенно оно стало распространяться и на другіе, болѣе важные города страны, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Однако Черниговъ не успѣлъ воспользоваться выгодами этого самоуправленія. Сѣверщина оказалась пограничной землей между двумя сильными государствами Литовскимъ и Московскимъ, причемъ въ средѣ правящаго класса Сѣверскихъ князей, бояръ замѣчается колебаніе между Москвой и Литвой въ зависимости отъ политическихъ комбинацій, которыя очень напоминаютъ усобицы дотатарскаго княжескаго періода; тѣмъ болѣе, что мѣстные князья считаютъ себя наслѣдственными обладателями княженій. Упомянутый Димитрій Корыбутъ величаетъ себя въ государственныхъ актахъ Demetrius alias Koributh dux Zitwanae dominus et heres Novogrodek.

Шла борьба между Ягайломъ Витовтомъ и его братьями въ виду централизаціонныхъ, полонизаціонныхъ и католическихъ тенденцій Ягайла, противъ чего реагировали Сѣверскіе князья и правящіе классы, отстаивая свою автономію и Русь.

Такъ въ 1379 г. во время похода Московскаго князя Димитрія на Сѣверщину на его сторону перешелъ Димитрій Ольгердовичъ Брянскій и только въ 1388 году онъ возвратился назадъ въ Литву, но сѣверскихъ княженій не получилъ, позднѣе княженіе было отнято и у Корыбута. Сѣ-

верщина была передана сначала Федору Любартовичу, а потомъ Свидригайлу Ольгердовичу въ началѣ XV в.

Но въ 1408 г. чуть ли не вся Сѣверщина перешла на сторону Москвы подъ предводительствомъ Свидригайла, съ нимъ перешли владыка брянскій, (черниговскій) Исакій, князья Стародубскіе и др., также бояре черниговскіе, брянскіе, стародубскіе и др. Свидригайло возвратился въ Сѣверщину въ 1420 г. и, опираясь на нее и вообще на Русь, отстаивалъ автономное начало до самой своей смерти, послѣдовавшей въ пол. XV в.

Съ другой стороны Московскіе князья эмигранты бѣгутъ въ Литву, тѣснимые своими великими князьями.

Во 2-й половинѣ XV в., а именно въ 1450 году, в. князь Литовскій Казиміръ Ягаиловичъ (внукъ Ольгерда) пожаловалъ Черниговъ князю Ивану Андреевичу Можайскому, который бѣжалъ изъ Московскаго государства, не поладивъ тамъ съ великимъ княземъ. Черниговъ пожалованъ вѣчно ему и его дѣтямъ съ полными отчинными правами. Но въ концѣ XV в. среди сѣверскихъ князей снова обнаружилось тяготѣніе къ Москвѣ. Сынъ Ивана Можайскаго Семенъ обратно перешелъ въ Москву (1500 г.) съ городами Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ. Московская дипломатія причиной перехода выставила религіозныя притѣсненія; хотя это въ отношеніи Сѣверщины звучитъ преувеличено, ибо права православной церкви и ея автономія (выборное духовенство) въ Литвѣ были подтверждены Витовтомъ 1415 г. Казиміромъ 1447 и Александромъ, при которомъ совершился переходъ; притѣсненій и быть не могло, ибо центральная власть при Казимірѣ и Александрѣ ослабѣла; Сѣверщина управлялась православными владѣтельными князьями; вообще, строй Литовско-Русскаго государства представлялъ свободу высшимъ классамъ, при которой не мыслимы были серьезныя религіозныя притѣсненія. Населенію могло лишь не нравиться, что в. князья Литовскіе, бывшіе въ то же время и польскими королями, по избранію поляковъ, — будучи католиками, протежировали распространенію католичества въ русскихъ областяхъ.

Затѣмъ, при Ягеллонахъ (Казимірѣ и Александрѣ) раньше хорошо поставленная оборона литовскихъ окраинъ ослабѣла; возобновились набѣги татаръ, превратившіеся въ погромы при Менгли-Гиреѣ. Въ это время Черниговщина сильно была разорена и запустѣла. Черниговъ дважды бытъ сожженъ (1482 и 1497). Интенсивность татарскихъ набѣговъ объясняется тѣмъ, что при Менгли-Гиреѣ Крымское ханство входитъ въ союзъ съ Московскимъ государемъ, враждовавшимъ съ Литвой.

Война между Литвой и Москвой закончилась побѣдой Москвы. Черниговъ вмѣстѣ съ другими Сѣверскими областями укрѣпленъ за Москвой по договорамъ (1503—1523 г.).

Московскій періодъ (1503—1618 г.).

Но перешедшіе князья въ Москвѣ лично потеряли, ибо тамъ шло развитіе крѣпкой власти Московскаго Государя и уничтоженіе удѣловъ; достаточно было подозрѣнія въ сношеніи съ Крымскимъ ханомъ или Литовскимъ княземъ, чтобы лишиться удѣла и кончить жизнь въ темницѣ. Князья Черниговскій (Можайскій) и Новгородъ-Сѣверскій (Шемяка) доносили другъ на друга, поэтому Семенъ Можайскій раньше лишился Чернигова, а Шемяка позже въ 1523 г. попалъ въ тюрьму.

Съ этого времени въ Черниговѣ вводится Московское намѣстническое (воеводское) управленіе на началахъ кормленія; послѣднее ложилось тяжелымъ бременемъ на населеніе.

Окраинное положеніе Чернигова на границѣ съ Татарами и Литвой создавало напряженность военной службы. Необезпеченное въ оборонѣ населеніе выработало въ своей средѣ классъ полувоеннаго степного промышленника (здобычника) казака, который промышлялъ въ степи на звѣря, рыбу, դралъ медъ дикой пчелы, а въ случаѣ нужды соединялся въ военные отряды для охраны отъ набѣга татаръ, иногда непрочь былъ пограбить и купеческій караванъ; на Новгородскихъ, Черниговскихъ и Путивльскихъ казаковъ уже въ половинѣ XVI в. раздаются жалобы за грабежи. Носятъ эти казаки и мѣстное названіе «севруковъ» сѣверянъ или, по другому толкованію, севрукъ-дикій.

Число ихъ быстро росло, такъ какъ ряды пополнялись новыми пришельцами, бѣжавшими отъ Московскаго тягла и Литовско-польскаго подданства (крестьянства). Въ степи возникаютъ хутора (пасѣки), которые выростаютъ въ села совершенно свободнаго населенія, незнавшаго правительственной власти. Казакъ для низшаго класса становится идеаломъ рыцаря и гражданина. Казаки были и на Литовской украинѣ: въ Острѣ, Кіевѣ, Каневѣ, Черкассахъ и дальше внизъ по Днѣпру. Во время войны Литвы съ Москвой они усиливали Литовскія войска и Черниговъ не разъ страдалъ отъ нихъ: въ 1515 г. Кіевскій воевода Дашкевичъ напалъ, въ 1534 г. Немировичъ, 1563 г. князь Михаилъ Вишневецкій.

Сѣверскіе казаки, будучи фактически неподчиненными власти воеводъ, представляли самый опасный элементъ броженія.

Страдала отъ казаковъ и торговля. Въ половинѣ XVI в. на Остеръ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ идутъ торговые караваны, но не мѣстныхъ купцовъ, а турецкихъ, татарскихъ, мовсковскихъ. Ихъ охраняютъ старосты Литовскихъ городовъ и воеводы Московскихъ отъ нападенія казаковъ. Черезъ Сѣверщину совершались торговыя сношенія Москвы съ Литвой и Крымомъ. Южно-русскіе караваны ходятъ въ Черно-морье, но главнымъ образомъ по соль; называются эти промышленники солениками, (прасолами), а позднѣе чумаками. Въ силу упадка торговли съ побережьемъ Чернаго моря, развиваются интенсивныя торговыя сношенія и съ Западной Европой, куда сбываютъ воскъ, мѣха, продукты лѣсной обработки (попелъ, клепки), хлѣбъ, и привозятъ предметы обрабатывающей промышленности. «Кіяне, Черниговцы, Мозыряне, Пиняне до Люблина, Познаня, Варшавы и Гнѣзна», путь держатъ. Воднымъ путемъ велись торговыя сношенія съ Гданскомъ, (Данцигомъ) и Торунемъ (Торномъ).

Сѣверщина оказала поддержку самозванцамъ. Въ 1604 г. въ предѣлы ея вступилъ Димитрій самозванецъ и овладѣлъ Черниговомъ. Замокъ былъ укрѣпленъ, обнесенъ валомъ со рвами, по валу палисадомъ, затѣмъ внутри замка былъ кремль, обнесенный дубовыми стѣнами съ башнями. На стѣнахъ было 27 большихъ арматъ и много малыхъ. До сраженія, впрочемъ, не дошло, такъ какъ Черниговцы собрались на вѣче и рѣшили присоединиться къ самозванцу. Воевода сопротивляется, горожане нападаютъ на гарнизонъ, который уступаетъ ему; тогда народъ, связавъ воеводу кн. Ив. А. Татева съ товарищами, выдалъ ихъ самозванцу. Очевидно горожане и средній служилый классъ--дѣти боярскіе (бывшіе литовскіе земяне) сочувствовали самозванцу. Вновь появившійся самозванецъ въ Стародубѣ нашелъ поддержку и въ Черниговѣ.

Въ смутное время Черниговъ снова пострадалъ, въ 1611 г. онъ опять былъ сожженъ. І. Голятовскій объ этомъ разсказываетъ такъ: «люде московскіи, вышовши з Чернѣгова, рыбу на р. Бѣлоусѣ ловили, бо придуха була. Вѣдаючи тое Горностай, региментаръ полскаго войска, въ Пакулѣ селѣ з полскимъ войском зостаючи, фортелемъ в накритыхъ возахъ, мѣсто рыбы, в ночи до Чернигова полское войско впровадилъ; московскіи сторожи в брамѣ гды питали: кто идетъ, отповѣдалъ з Горностаевы стороны человѣкъ по московску: свои люде, рибу з Бѣлоуса веземо. Чуючи тое, сторожи отворили браму. И в той часъ з черниговскаго замку московское войско уступило и Чернѣговъ од Горностая спаленый былъ. И през многія лѣта пустый зоставалъ.... По Горностаю въ 12 лѣтъ почали знову до Чернигова люде збиратися и будоватися». Слѣдовательно заселеніе города началось уже въ періодъ польского господства.

Польскій періодъ (1618 - 1654).

По Деулинскому перемирію 1618 г., Сѣверщина съ Черниговомъ отходитъ къ Литовскому государству, которое въ то время соединилось уже съ Польшей по Люблинской уніи (1569 г.). Въ Черниговѣ сначала было образовано замковое управленіе съ комендантомъ во главѣ Яномъ Куновскимъ. Но вскорѣ Польское правительство, озабочиваясь устройствомъ разореннаго Чернигова, поторопилось даровать населенію льготы и привиллегіи; самой широкой привиллегіей для городовъ было Магдебургское право, которое Чернигову было пожаловано грамотой Сигизмунда III въ 1623 г., но введено оно съ нѣкоторыми ограниченіями въ духѣ Сигизмунда III, который былъ воспитанникомъ іезуитовъ, фанатикомъ католицизма, а съ послѣднимъ соединялись и полонизаціонныя тенденціи. Войтомъ вмѣсто выборнаго былъ назначенъ комендантъ Янъ Куновскій; въ бурмистры, райцы и лавники избирались мѣщане только изъ христіанъ всѣхъ обрядовъ. Сигизмундъ далъ грамоту на Магдебургское право, подразумѣвая общераспространенный типъ его, самое же Магдебургское право ввелъ «ревизоръ рекуперованныхъ отъ Москвы замковъ» Іеронимъ Цѣхановичъ, Смоленскій Подсудокъ; онъ опредѣлилъ территорію Чернигову и передалъ ее выбранному подъ руководствомъ войта городскому уряду.

По нашимъ понятіямъ, эта территорія была громадна, она обнимала полъ-уѣзда. Вотъ ея предѣлы: отъ Шестовицы до р. Козла и дальше до Пльохова, отсюда Рудкою по Жукотки, отъ Жукотокъ по Бѣлоусу до Мохнатовой Гати (Мохнатина), оттуда по Хмельницкій ручей (Хмельница) черезъ дорогу изъ Чернигова на Сибережь, дальше Колодязники, Ржавецъ, Стрижень, Скриница, Свинь, о. Стародубъ, о. Пчельскъ, Долгово Селище Струга Муравейская, Здвижъ, р. Мамча, р. Маломолка и до Шестовицы. Эта земля отводилась, конечно, не въ собственность, а въ управленіе; городскую собственность на этой территоріи, составляли только пустопорожнія земли, которыя никому не были пожалованы и никѣмъ не были заняты.

Часть земель предназначалась подъ выгонъ, другая подъ пахоть мѣщанамъ, а третья на ратушный фольваркъ (экономію) и городской урядъ. Предоставляется горожанамъ право «въѣзда» въ боръ для рубки лѣса и право рыбной ловли на 2 мили внизъ и вверхъ по р. Деснѣ. На ратушной фольваркъ (хуторъ) отведено 30 волокъ, 20 волокъ на войта, 12 на бурмистровъ, 4 на писаря. Кромѣ этихъ оброчныхъ статей, предоставляется право взиманія налоговъ: вѣсовое (съ вѣсовъ), помѣрное (съ мѣръ), мостовое (сборъ на мосту), доходы отъ гостинныхъ дворовъ; въ Черниговѣ пред-

полагали выстроить 2 двора, одинъ для Московскихъ купцовъ, другой для иногородныхъ; доходы съ городской бани, рѣзницкихъ ятокъ, кирпичнаго завода, мельницъ, воскобоенъ, пивоваренъ, солодовенъ, перевоза; грошовый платъ съ купцовъ и ремесленниковъ. Кромѣ торговъ въ Черниговѣ назначено 3 ярмарки по двѣ недѣли каждая.

Купечеству мѣстному предоставлялась монополія; пріѣзжіе купцы не имѣли права продавать въ раздробь, а только оптомъ мѣстнымъ купцамъ. Во избѣжаніе подрыва Черниговской торговлѣ, преслѣдовалась торговля внѣ города по селамъ и укромнымъ мѣстамъ. Затѣмъ, королевичъ Владиславъ, будучи администраторомъ Сѣверщины, запретилъ (1623 г.) селиться здѣсь евреямъ, во избѣжаніе ущерба мѣстной торговлѣ и промысламъ.

Мѣщане получаютъ право свободнаго винокуренія, пивоваренія и торговли питіями, съ уплатой капщизны (акциза). Кромѣ капщизны, мѣщане уплачивали и нѣкоторые государственные налоги: подымное, мыто (торговая пошлина), уплачиваемое купцами при въѣздѣ въ городъ и на границѣ государствъ; мыто сдавалось на откупъ. Затѣмъ, натурою отбывали «послушаніе» замковому уряду: ремонтъ замка, поставка подводъ, стація (постой). Мѣщанамъ предоставляется право организоваться въ цехи по ремесламъ и профессіямъ.

Для обороны города выходило все населеніе, но былъ учрежденъ отрядъ въ 100 человѣкъ, «рыцерства казацкой службы»—такъ называемая городовая казацкая хоругвь, имѣвшая свое особое синее знамя съ краснымъ крестомъ посрединѣ. На Черниговскомъ гербѣ былъ изображенъ св. Владиславъ съ красною хоругвою; была печать съ этимъ гербомъ.

Къ Магистрату долженъ былъ перейти и судъ надъ мѣщанами отъ замка; апелировать на рѣшенія этого суда Королю по дѣламъ на сумму свыше 50 зол. польскихъ.

Для прочихъ сословій въ 1635 г. въ Черниговѣ учреждены выборные шляхетскіе, земскіе, гродскіе и подкоморные суды: повѣты Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій составили воеводство Черниговское съ польскими учрежденіями; шляхта получила право участія въ представительныхъ государственныхъ учрежденіяхъ; было стремленіе Черниговщину населить обывателями коронными (польской шляхтой). Борисоглѣбскій соборъ, не взирая на протесты горожанъ, обращенъ въ Доминиканскій кляшторъ, правительство покровительствовало распространенію «рускаго обряда» (уніи); средоточіемъ уніатовъ сталъ полуразрушенный Елецкій монастырь. Архимандритъ его Кириллъ Ставровецкій Транквилліонъ, по народному «Безбродій», извѣстный ученый богословъ, основалъ въ одной изъ маетностей типографію,

гдѣ издалъ «перло многоцѣнное». Еще до введенія уніи Ставровецкій былъ учителемъ въ Львовской братской школѣ и отстаивалъ интересы братства въ борьбѣ послѣдняго съ Львовскимъ Епископомъ Балабаномъ, который будто бы вырвалъ Ставровецкому бороду, почему онъ и называется «Безбородый».

Собственно правильно организованное управленіе по польскому государственному праву просуществовало недолго. Въ 1648 г. началось казацкое возстаніе подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Казацкое движеніе, кромѣ протеста противъ попранія православной религіи и южнорусской народности, было борьбой за соціальное и политическое равноправіе. Послѣ Люблинской уніи (1569 г.)—Литвы и Польши, на Литовское земянство распространены шляхетскія права на занятіе должностей и на широкія земельныя пожалованія въ Южной Руси; низшіе классы свободнаго земледѣльческаго населенія попадали въ зависимость отъ панства, утрачивали права полнаго владѣнія землей и свободнаго состоянія. Казачество, какъ военно-организованный классъ, первое начинаетъ бороться противъ польско-католическо-панскаго режима, увлекая за собой подданныхъ (крестьянъ) и мѣщанъ; причемъ въ данномъ случаѣ пострадали интересы и южно- русской православной шляхты, которая въ Черниговщинѣ, впрочемъ, поторопилась пристать къ казачеству.

Богданъ Хмельницкій уже 8 ноября 1649 г. утверждаетъ Ивана Скиндера войтомъ и дозорцей мѣста Чернигова и волости ведлуг права магдебургскаго; войтъ избранъ всѣмъ «посполствомъ места Чернигова подолуг першого листу.» Ив. Скиндеръ утверждается «на урядѣ» пожизненно; причемъ Богданъ Хмельницкій обнадеживаетъ его въ полученіи королевской конфирмаціи, войтъ имѣетъ «мѣстомъ рядити и правити, а также и маетностями до мѣста належащими: Слабынемъ, Рудкою и Седневсчиною и нашими; полковники и сотники маютъ шановати его, яко намѣстника нашего». Очевидно, войтъ Иванъ Скиндеръ долженъ былъ замѣстить бывшаго польскаго коменданта войта Яна Куновскаго. На личное содержаніе войта дается «млынокъ Лопатинский и Застриженскій», его властный (собственный) Кувѣчицкий, а на «мѣсную потребу (городскія потребности) перевозъ и озеръ надаемо до мѣста налижачие». Универсалъ Богдана Хмельницкаго Ивану Скиндеру на войтовство данъ 8 ноября 1649 г. послѣ заключенія съ польскимъ правительствомъ Зборовскаго договора 10 августа 1649 г. Хотя Богданъ Хмельницкій самостоятельно распорядился о производствѣ выборовъ войта и разрѣшаетъ ему вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, обезпечиваетъ его и городъ источниками дохода, но еще ожидается королевская конфирмація.

Король Казиміръ освободилъ Черниговцевъ на 4 года отъ всякихъ налоговъ и торговыхъ пошлинъ, даже таможенныхъ; причемъ онъ объясняетъ это опасеніемъ, что жители окончательно разбредутся изъ «спаленнаго» казаками города; 28 января 1654 г. Черниговцы уже присягали на вѣрность Московскому Государю Алексѣю Михайловичу, такъ какъ состоялось присоединеніе Малой Россіи къ Московскому государству. Въ Черниговѣ по Московской переписи оказалось всего 1078 жителей.

Періодъ Гетманскій (1654—1722).

Съ фактическимъ уничтоженіемъ шляхетскихъ сословныхъ привиллегій и польскихъ государственныхъ учрежденій, населеніе стало свободнымъ: сословныя перегородки исчезали—явились классы: городской (мѣщане) и земскій (казаки); бывшіе подданные (крестьяне) при переписи, произведенной Московскимъ правительствомъ, записались или въ мѣщане или въ казаки, большинство назвало себя мѣщанами, но тѣмъ не менѣе подданные, ставъ свободнымъ классомъ, не слились ни съ казаками, ни съ мѣщанами, если фактически не стали въ ряды тѣхъ и другихъ; они составили третій классъ—посполитыхъ, которые обязаны были отбывать «належное послушенство» (повинности) въ пользу войска или тѣхъ учрежденій и лицъ, коимъ были подтверждены или вновь наданы маетности. А маетности были подтверждены церковнымъ учрежденіямъ, городамъ, той южно-русской шляхтѣ, которая пристала къ казакамъ и вновь «наданы» на рангъ (на содержаніе) войсковой старшинѣ и другимъ заслуженнымъ предъ страной лицамъ. Посполитый лично былъ свободенъ, имѣлъ право перехода и даже сохранилъ право на свою землю, но обязанъ былъ отбывать въ пользу державца повинности, размѣръ которыхъ опредѣлялся обычаемъ по старинѣ. Надавались маетности гетманомъ и утверждались Государемъ.

Въ основу управленія была положена древне-русская войсковая единица «полкъ», раздѣленная на сотни; причемъ отсюда произошло смѣшеніе функцій военныхъ и административно-судебныхъ въ лицѣ однихъ и тѣхъ же лицъ; причемъ на низахъ, въ общинахъ, власти гражданскія и войсковыя различаются: въ селѣ надъ казаками начальникъ атаманъ, надъ посполитами воитъ, въ городѣ магистратъ или ратуша, но выше въ округахъ уже общія власти: сотникъ, полковникъ и гетманъ. Впрочемъ, для судебныхъ дѣлъ коррективомъ служило то, что судъ совершалъ цѣлый урядъ: въ селѣ— атаманъ и воитъ, въ сотнѣ— сотникъ съ мѣстнымъ атаманомъ мѣстечка и ратушей, въ городѣ же совмѣстно съ магистратскимъ судомъ.

Высшая инстанція—генеральный судья съ судовымъ писаремъ; при Мазепѣ два судьи. Со времени Апостола генеральный судъ состоялъ изъ 6 членовъ подъ предсѣдательствомъ гетмана, а въ полковомъ и сотенномъ судѣ должны были засѣдать, кромѣ названныхъ выше, и другіе урядники и «значковое товариство».

Этотъ строй былъ проявленіемъ народнаго творчества, вдохновляемаго старинными вѣчевыми традиціями и идеалами выборнаго начала, присущаго польско-литовскому строю, гдѣ это начало, впрочемъ, составляло только привиллегію шляхетства и отчасти горожанъ; естественно, что весь правящій классъ, начиная отъ низшаго—атамана—войта, дяка, попа и до высшаго—гетмана, архіепископа и митрополита, подлежалъ избранію пожизненно.

Подчиненность всѣхъ этихъ инстанцій и предѣлы власти каждой не были опредѣлены писаннымъ закономъ, все опредѣлялось обычнымъ и естественнымъ правомъ, универсалами гетмана, полковника; верхъ брала сила, но она уравновѣшивалась: — самодѣятельностью общества, зорко слѣдившаго за своими урядниками, свободой протеста, слабостью исполнительной власти и, наконецъ, тѣмъ, что удовлетвореніе многихъ нуждъ было предоставлено частному почину общества; власть «уряда» не была всеобъемлющей.

Правда, въ области суда и городского управленія уряды руководились жалованными граматами, литовскимъ статутомъ, саксономъ, порядкомъ—сборниками магдебургскихъ правъ; въ области войскового административнаго управленія руководящими являлись статьи, утверждаемыя Московскимъ правительствомъ, при избраніи гетмана, указы государей и гетманскіе универсалы; мѣстное правовое творчество не успѣло развиться въ виду постепеннаго проникновенія Московскихъ порядковъ и Московскаго административнаго права.

Отношенія къ центральному Московскому правительству сложились такъ: прежде всего было ограничено право гетмана имѣть дипломатическія сношенія съ враждебными Москвѣ государствами, а затѣмъ и вообще со всякими. Для оборны присоединеннаго края въ важныхъ городахъ и, въ томъ числѣ, въ Черниговѣ, поставлены воеводы съ московскими гарнизонами, которые не вправѣ были вмѣшиваться въ мѣстное управленіе.

Вопросъ о финансовыхъ отношеніяхъ былъ поставленъ неясно: «указалъ Государь, по ихъ челобитью быти бъ (въ городахъ) урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ (обиранымъ) и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на Государя сбирать имъ, а отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, которыхъ государь пришлетъ и тѣмъ людемъ надъ

зборщиками смотрѣть, чтобы дѣлали правду». Создавалось такимъ образомъ право взиманія налоговъ и контроля.

Гетманъ Брюховецкій, стремясь укрѣпить свое положеніе, ударилъ челомъ Государю «городы съ уѣзды и въ тѣхъ городахъ быть и всякіе доходы собирать государевымъ боярамъ и воеводамъ». Въ Черниговъ назначенъ воевода съ 1200 ратныхъ людей, а съ нимъ явились и Московскіе сборщики податей и писцы для переписи населенія (1666 г.) съ цѣлью обложенія. Эта преждевременная попытка Московскаго правительства фактически вступить въ непосредственное управленіе недавно присоединенной страной вызвала крайнее недовольство населенія. Тогда вѣроломный Брюховецкій, желая укрѣпить свое положеніе, составилъ заговоръ съ цѣлью изгнанія воеводъ. Многіе изъ нихъ погибли. Черниговскій воевода Толстой отсидѣлся отъ нападающихъ казаковъ и мѣщанъ въ верхнемъ маломъ городѣ, но онъ самъ и затѣмъ, пришедшій Ромодановскій дважды сожгли окружающія малый городъ части Чернигова. Городъ настолько пострадалъ, что ему дана льгота на 7 лѣтъ отъ налоговъ. Передъ тѣмъ въ 1662 г. король польскій разорилъ Черниговъ, погубивъ многихъ и забравъ въ плѣнъ другихъ. Воевода съ ратными людьми въ Черниговѣ остался навсегда, но было условлено, чтобы «въ права ихъ и вольности и суды и всякія дѣла воеводамъ не входить, а имѣти начальство надъ ратными людьми»; дается гарантія, что за обиды отъ ратныхъ людей тѣ будутъ судими воеводами съ участіемъ знатныхъ малороссійскихъ жителей («зацныхъ персонъ»).

Постой ратныхъ людей, подводы и кормы посланникамъ, грубость воеводскихъ нравовъ нерѣдко вызывали жалобы.

Между воеводами и войсковой старшиной и населеніемъ зачастую были обостренныя отношенія. Черниговскій полковникъ Василій Игнатовъ, братъ гетмана Многогрѣшнаго «учалъ дѣлать выводы и раскаты прибавочные» для того, чтобы у ратныхъ людей воду отнять и всякую тѣсноту учинить, «да сотникъ Левонъ Полуботокъ занялъ на Стрижнѣ плотиной подъ мельницу водяной проходъ», служившій для подвоза по рѣкѣ хлѣбныхъ запасовъ въ крѣпость. При избраніи гетмана Самойловича поставлено обязательство мельницу съ плотиной удалить, выводы и раскаты у Чернигова отломать (1672 г.).

Чернигову по ходатайству Богдана Хмельницкаго, какъ и другимъ большимъ городамъ, Алексѣемъ Михаиловичемъ было подтверждено Магдебургское право на основаніи королевскихъ привилеевъ; причемъ безъ всякихъ ограниченіи была предоставлена полная свобода самоуправленія.

Такъ какъ польскія учрежденія исчезли съ разбѣжавшейся шляхтой, то единственнымъ уцѣлѣвшимъ въ Черниговѣ, да и въ другихъ городахъ, учрежденіемъ оказался Магистратъ, на него перешли функціи земскаго управленія, земскихъ и гродскихъ судовъ, пока не организовались новыя земскія войсковыя учрежденія и не вошли въ жизнь.

Постепенно на полковника перешли обязанности Замковово коменданта, на него же перешли и функціи гродскихъ и земскихъ судовъ; но рядомъ съ нимъ стоялъ воевода, въ вѣдѣніи котораго былъ верхній городъ-острогъ (дѣтинецъ).

Казаки, кромѣ военной службы, были свободны отъ повинностей, которыя остались удѣломъ посполитыхъ и мѣщанъ; городовое строеніе (крѣпостное), постой войска, подводы посланникамъ и гонцамъ, ложились всѣмъ бременемъ на городъ. Такъ въ 1667 г. воевода Иванъ Загрязный пристроилъ къ малому острожку крѣпость, вырывъ ровъ и сдѣлавъ къ Стрижню тайникъ. Нѣсколько позже Черниговскій полковникъ В. К. Дунинъ-Борковскій возобновилъ валы съ бастіонами въ большой крѣпости. Средства для выполненія всѣхъ этихъ повинностей ратуша черпала съ тѣхъ доходовъ, о которыхъ выше упомянуто, за польскаго владычества, съ маетностей и мельницъ, коими она владѣла на правахъ держанія, со свободныхъ селеній, нерозданныхъ въ держаніе, ратуша также имѣла денежные и натуральные сборы на войсковыя надобности. Даже владѣльческія села околичныхъ Чернигову сотенъ давали помощь ратушѣ въ несеніи подводной повинности, вывозили лѣсъ на постройку ратуши и т. п. Если вспомнимъ, что на городскихъ урядникахъ лежала обязанность сбора казенныхъ доходовъ, то само собой станетъ понятнымъ, что ратуша стала центромъ финансоваго управленія для извѣстнаго округа (уѣзда изъ околичныхъ сотенъ). Для своего городского посполъства и для посполитыхъ, несшихъ повинности въ пользу его, магистратъ сталъ и судебнымъ мѣстомъ. Пока полковые суды не организовались, то магистратъ былъ вообще судебнымъ мѣстомъ для всего не казачьяго населенія; по важнымъ же уголовнымъ нотаріальнымъ дѣламъ и по опекѣ это значеніе за нимъ сохранилось и на дальше, притомъ для всѣхъ классовъ населенія округа. Полковый урядъ засѣдалъ въ магистратскомъ судѣ на ряду съ городскимъ, усиливая его составъ по важнымъ или интереснымъ дѣламъ.

На почвѣ неопредѣленности отношеній и въ области суда, и въ области войсковыхъ повинностей создавались коллизіи между магистратомъ и полковничьей, а равно и воеводской властью; положеніе усложнялось тѣмъ, что магистратъ, какъ выше отмѣчено, былъ не строго городской органи-

заціей, но и земской, простирая свои права на селенія; создавались столкновенія и недоразумѣнія между магистратомъ (городомъ) и войсковой старшиной (земствомъ) на уѣздѣ. Старшина укрывала своихъ посполитыхъ отъ повинностей въ пользу или помощь ратушѣ и посягала на посполитыхъ магистратскихъ.

Въ 1657 г. по жалобѣ Черниговскихъ мѣщанъ Гетманъ Иванъ Выговскій далъ универсалъ, чтобы полковникъ Черниговскій и товариство въ суды и порядки мѣскіе не втручали (не вмѣшивались), людей подъ юрисдикцією мѣскою будучихъ и на футорахъ мешкаючихъ до работизнъ и датковъ не потягали, до аренды мѣской жадного приступу не мѣли, а ни горилокъ не шинковали, до млына Грицковского, который есть безправное взятый и од мѣста одлучонный, абы такъ самъ п. Полковникъ, яко жаденъ не втручалисе.

Гетманъ Юрій Хмельницкій универсаломъ 1660 г., даннымъ Черниговскимъ мѣщанамъ, дѣлаетъ распоряженіе Полковнику и подчиненнымъ казачимъ властямъ, чтобы для удовлетворенія потребностей нашихъ посланныхъ «жадныхъ кривдъ и вымисловъ, то есть напитковъ и работъ и якихъ колвекъ достатковъ не вымышляли, отъ месчанъ ничого не вытегалъ, бралъ бы живность изъ своихъ селеній».

Гетманъ Сомко (наказной) въ 1662 г., по жалобѣ Черниговскаго магистрата воспрещаетъ казакамъ шинковать горилкою межи крамомъ на рынку, ибо пьяные драчуны торговымъ людямъ непріятности дѣлаютъ и могутъ сжечь городъ; назначается кара въ 1000 «таляровъ битыхъ до скарбу войскового». Суть жалобы въ томъ, конечно, чтобы казаки не нарушали монопольнаго права на продажу водки; за эту монополію Черниговскіе мѣщане платили въ казну государству 200 р.; казаки, солдаты и стрѣльцы шинковать виномъ не должны, какъ гласитъ «память» стольника Кирилла Хлопова 1666 г., относительно казаковъ «договорено» съ дворяниномъ и полковникомъ Черниговскимъ въ Дементьемъ Игнатовичемъ (будущимъ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ), а относительно солдатъ и стрѣльцовъ съ Черниговскимъ воеводой стольникомъ Андреемъ Васильевичемъ Толстымъ; относительно же нарушенія казаками монопольнаго права продажи винъ будетъ написано боярину и гетману Ивану Мартыновичу Бруховецкому.

Въ томъ же 1666 г., по ходатайству войта Черниговскаго Григорія Иванова (по другимъ грамотамъ Ефимова), Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ Черниговскому воеводѣ А. В. Толстому, чтобы въ мѣщанскихъ дворахъ и особенно у войта, бурмистровъ и райцовъ постоя не ставить и подводъ не брать, отъ чего имъ бываетъ утѣсненіе и «налога»; для постоя

посланниковъ, пріѣзжихъ людей съ давнихъ временъ въ Черниговѣ построенъ «съезжѣй дворъ», но въ этомъ дворѣ казаки держатъ плѣнныхъ ляховъ; повелѣвается освободить этотъ дворъ для пріѣзда посланниковъ, казакамъ же становиться на новомъ съѣзжемъ дворѣ, подводы брать съ уѣзда.

Въ 1669 г. Гетманъ Демъянъ Многогрѣшный въ своемъ листѣ, на имя наказного полковника Черниговскаго, предлагаетъ побудить любецкого сотника Унучка (Посудевскаго), чтобы тотъ не притягалъ подъ свой региментъ любецкихъ мещанъ ради «пожитку», между тѣмъ онъ, гетманъ, предоставилъ п. войту Черниговскому любецкими мещанами владѣть и всякое послушенство щобъ отдавали, усматривая през нещасливые часы ущербокъ Черниговскому войту и всему майстрату зъ бурмистрами и зъ мещаны.

Здѣсь характерно не столько вмѣшательство сотника въ дѣла городскія, сколько то, что мѣсто Любечь отдано въ послушенство, какъ бы маетность съ посполитыми, другому мѣсту Чернигову во вниманіе къ тому, что Черниговъ несетъ общегосударственныя повинности.

Въ пост—скриптумѣ гетманъ даетъ наставленіе и. д. полковника, какъ идти къ воеводѣ съ поздравленіемъ «на ралецъ», а ежели есте не ходили до воеводи з ралцемъ, то заедно с паномъ войтомъ Черниговским, взявши мещаниновъ двох, вкупи пошли, а не розно».

Въ 1690 г. Черниговскій «мѣйскій урядъ» хлопоталъ передъ царями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичами о подтвержденіи привиллетій дарованныхъ городу королями польскими, гетманами и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; при этомъ представляется цѣлый рядъ жалобъ на казацкій урядъ и воеводъ, прежде всего на утѣсненія при несеніи воинскихъ повинностей. Бояре, воеводы и гетманъ, при проходѣ войскъ, берутъ съ мѣщанъ подводы, оставляя въ сторонѣ уѣздныхъ обывателей; казацкіе уряды берутъ подводы и посполитыхъ въ магистратскихъ селахъ даже для своихъ частныхъ работъ; въ этихъ селахъ поселились подсусѣдки, которыхъ казаки считаютъ своими и закрываютъ ихъ отъ повинностей въ пользу ратуши.

Полковники заставляютъ ремесленниковъ работать на себя: плотниковъ, сапожниковъ, рыболововъ, портныхъ, серебренниковъ, лучниковъ, сѣдельниковъ, кузнецовъ, гончаровъ, пильниковъ, музыкантовъ, слѣсарей, бочаровъ, а тѣ мастеровые, работая на полковниковъ безмездно, не участвуютъ въ ратушныхъ расходахъ. Въ этомъ родѣ были повинности въ пользу польскихъ воеводъ и комендантовъ, на мѣсто которыхъ сталъ полковникъ, перенесшій на себя право на «работизну» подвѣдомственного населенія.

Далѣе мѣщане жалуются, что въ нижнемъ городѣ поселились вольные люди, устроили шинки, лавки и не платятъ въ ратушу, ссылаясь на то, что сидятъ на землѣ Елецкаго и Ильинскаго монастырей. Монастыри ихъ защищаютъ, очевидно они платили въ пользу монастырей. Казаки на мѣщанской землѣ устроили лавки и тѣснятъ мѣщанъ.

Въ довершеніе всего полковничій урядъ привлекаетъ ихъ, мѣщанъ, къ своему суду, минуя магистратскій. Царская грамота возстановляетъ права магистрата: административное и судебное въ отношеніи горожанъ.

Въ пользу Царской казны поступаетъ капщизна, которую платили за короля съ пива, меду, солоду, горѣлки, вина, а также налогъ съ пашни.

Въ городскую скринку (кассу) поступаютъ сборы - съ корчемъ, мыто съ купцовъ, и сборъ съ ремесленниковъ.

Далѣе слѣдуютъ сборы на торгахъ и ярмаркахъ по 2 недѣли каждая (Воскр. Христово, Семеновъ день и Богоявленіе), сборъ съ перевоза на Деснѣ, сборы со скота, хлѣба и друг. мелкихъ предметовъ на рынкѣ (помѣрное, вѣсовое, мостовое), доходъ съ 30 волокъ земли. На содержаніе воита 20 волокъ, бурмистра 12, писаря 4, доходы съ 2 мельницъ и селъ (Петрушина и Хмельницы).

Имѣлось въ виду построить два гостинныхъ двора одинъ въ городѣ (крѣпости), другой на посадѣ, мясницкія лавки и 10 кирпичныхъ и известковыхъ сараевъ (складовъ). Подтверждается старинная привилегія о томъ, чтобы иногородніе купцы продавали оптомъ, а не враздробь («локтемъ»). Подтверждается вѣдомство магистрата на территоріи, установленной Іеронимомъ Цѣхоновичемъ и право въѣзда въ «Любецкой боръ» обще съ Любечемъ. Черниговцы должны рубить только строевой лѣсъ, но не трогать бортнаго дерева, которое эксплоатируется Любечанами.

Эта городская территорія, границы которой выше означены, очевидно и составляла Черниговскій уѣздъ, на нее и распространялась административно-судебная власть Черниговскаго Магистрата, за изъятіемъ казачьихъ, духовныхъ земель и ихъ маетностей.

Устраняя злоупотребленія полковой и воеводской власти и запрещая взимать какіе либо налоги, сверхъ указанныхъ, требовать безплатной работы и подводъ, жалованная грамота освобождаетъ мѣщанъ отъ сторожи, но подтверждаетъ обязанность магистрата нести городовое строеніе: дѣлать остроги и насыпать валы. Подводы и кормы даются подъ посланниковъ, гонцовъ, переходящія войска по подорожнымъ. -Проѣзжающій долженъ предъявить царскую грамоту, гетманскій листъ или воеводскую отписку. Посланнику по статьямъ Многогрѣшнаго 1669 г. полагалось двад-

цать подводъ съ проводниками, а гонцу три подводы. Подводная повинность должна быть отбываема вмѣстѣ съ уѣздными селами.

При Петрѣ Великомъ подводная и постойная повинность, а равно и другіе сборы на содержаніе войска приняли грандіозные размѣры и были источникомъ разоренія для мѣщанства, ибо въ этой области переходящія и разставленныя на квартиры войска допускали самыя грубыя притѣсненія и злоупотребленія, несмотря ни на царскіе, ни на сенатскіе указы, (сохранившіеся въ нашемъ архивѣ).

Петровскія грамоты говорятъ, что переходящіе черезъ Малую Россію воинскіе чины самовольно берутъ подводы у встрѣченныхъ ими людей, что окажется на возахъ—грабятъ, ѣдущихъ обдираютъ, на полученныхъ подводахъ ѣдутъ безъ перемѣны лошадей, вымогаютъ питье и кормы безъ мѣры; подводы требуютъ безъ подорожнихъ. Указы повелѣваютъ за подводами обращаться къ мѣстнымъ урядникамъ и предъявлять подорожныя; урядниковъ за требованіе подорожнихъ не бить, шпагъ не обнажать и измѣнниками ихъ не называть. Это было послѣ измѣны Мазепы.

Чернигову пришлось довольствовать драгуновъ, платить четвертныя деньги на содержаніе войска. Повинности дошли до такой разорительности, что мѣщане начали продавать свои грунты и переходить подъ протекцію монастырей и пановъ, т. е. обращаться въ посполитыхъ. Вслѣдствіе этого тягость повинностей еще больше увеличилась. Случившійся большой пожаръ въ конецъ разорилъ мѣщанъ. Скоропадскій предписалъ не укрывать мѣщанъ отъ повинностей. Для облегченія мѣщанъ гетманъ предписывалъ сотеннымъ урядамъ и державцамъ давать въ помощь мѣщанамъ подводы и не укрывать своихъ людей отъ воинскаго постоя, предложилъ выставлять изъ 6 сотенъ Черниговскаго уѣзда извѣстное число лошадей на Черниговскую станцію.

Для вспоможенія ратуши въ несеніи непосильныхъ расходовъ, при выполненіи воинской повинности,—Скоропадскій предоставилъ с. Суличевку «до ласки» и слѣдовавшій въ гетманскій скарбъ доходъ съ питей—«покуховное» въ ратушномъ с. Петрушинѣ не только съ посполитыхъ, но и съ казаковъ, не подлежавшихъ, собственно, вѣдѣнію ратуши.

По жалобамъ Скоропадскаго были изданы вышеозначенные указы и затѣмъ въ 1722 г., по его же жалобѣ, послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената о томъ, чтобы курьеры и проѣзжающіе платили прогоны и не смѣли самовольно брать подводъ. Къ этому присоединились мѣстныя неурядицы: сотники берутъ съ магистратскихъ селъ подводы на уѣздныя надобности, привлекаютъ посполитыхъ къ своимъ работамъ и записываютъ

ихъ подъ свой регментъ (команду); посполитые, конечно, охотно на то шли, такъ какъ это былъ переходъ изъ зависимаго состоянія въ свободное; число казаковъ сокращалось благодаря войнамъ, обращенію ихъ въ посполитые; атаманы и сотники стремятся пополнить убыль казаковъ, привлекая посполитыхъ, принадлежавшихъ учрежденіямъ, прежде всего магистратскихъ подданныхъ, ибо частный владѣлецъ всегда лучше охраняетъ свои права, чѣмъ учрежденіе. Магистратъ, конечно, терялъ отъ этого, такъ какъ села съ посполитыми были источникомъ дохода и средствомъ для удовлетворенія повинностей. Далѣе сотники стали привлекать городскихъ и подгородныхъ людей къ своему суду.

Скоропадскій предписываетъ полковнику Черниговскому и старшинѣ воздержаться отъ вмѣшательства въ порядки «мѣйскіе», не имѣть жадного (никакого) «приступу» къ мѣскимъ арендамъ и горѣлкою не шинковать очевидно въ магистратскихъ селахъ. Онъ ихъ проситъ войти въ положеніе города и помочь ему пережить трудный моментъ.

Сохранился листъ Черниговскаго полковника Павла Полуботка, который, по порученію гетмана, предписываетъ всѣмъ державцамъ маетностей и въ томъ числѣ магистрату не обтяжать поборами своихъ посполитыхъ

Переходъ къ общеимперскому управленію 1722 -1782.

Скоропадскій былъ слабый человѣкъ, не пользовавшійся авторитетомъ ни дома, ни въ Петербургѣ: избранъ онъ былъ по указанію Петра I послѣ Мазепиной измѣны. Къ нему былъ приставленъ, для совѣта и надзора за старшиной, министръ стольникъ Измайловъ (1709 года). Незадолго до смерти Скоропадскаго 1722 г. учреждена малороссійская коллегія подъ президентствомъ бригадира Вельяминова изъ шести великорусскихъ штабъ-офицеровъ для предотвращенія непорядковъ въ судебныхъ и войсковыхъ дѣлахъ. Коллегія должна была принимать жалобы на всѣ мѣстные суды и уряды, кромѣ того ей поручался надзоръ за ускореніемъ производства судебныхъ дѣлъ, наблюденіе за сборомъ налоговъ, отчетность по этимъ сборамъ, выдача жалованья и покровительство казакамъ и посполитымъ противъ притѣсненій старшины. Словомъ, была сдѣлана новая, болѣе рѣшительная попытка къ подчиненію мѣстной администраціи, суда и финансовъ центральной власти. Вельяминовъ ввелъ новые налоги. Однако рядомъ съ коллегіей были оставлены и старыя формы управленія, подчиненныя по сути дѣла коллегіи: на мѣсто гетмана былъ назначенъ Черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ наказнымъ гетманомъ, т. е. исп.

должность. Полуботокъ съ группой старшины энергично настаивалъ на избраніи гетмана, въ чемъ онъ и лично былъ заинтересованъ, и на отмѣнѣ нововведеній. Извѣстно, чѣмъ кончилъ Полуботокъ. Далѣе Петръ Великій сталъ назначать полковниками великорусскихъ военныхъ. Въ Черниговъ былъ назначенъ Богдановъ, за нимъ слѣдуютъ уже полковники также по назначенію, совмѣщающіе въ своемъ лицѣ права воеводы и Черниговскаго казачьяго полковника.

Коллегія просуществовала недолго, но дурную славу оставила, ибо нравы администраціи въ Великой Россіи въ тѣ времѣна были грубѣе, чѣмъ въ Малой; взяточничество и волокита были нерѣдки; что касается отношенія къ низшимъ сословіямъ, то и здѣсь царило крѣпостничество въ рѣзкихъ его формахъ. Иныхъ взглядовъ принести съ собой члены коллегіи не могли и въ Малую Россію; великорусскіе чины, получивъ въ малой Россіи маетности, показали примѣръ крѣпостническаго отношенія къ посполитымъ. Знаменитый Меншиковъ цѣлую Почепскую сотню казаковъ обратилъ въ крестьянъ. Дѣятельность коллегіи тормозилась также незнаніемъ мѣстныхъ порядковъ, законовъ и обычаевъ.

Черниговская лѣтопись (Лизогубовская) сохранила такую характеристику коллегіи: «много людей знатнихъ помордовано, здѣрства всякимъ образомъ вымышляно, кабалы, будьто въ нуждѣ позичалъ кто деньги, взымано а тое дѣлано, чтобъ помочь въ дѣлѣ чіимъ; такого фортелю употребляли члены коллегій, а что готовизною доилы, тое не въ числѣ».

Петръ II въ 1728 г. въ манифестѣ (ман. сохранился въ архивѣ) къ подданнымъ Малороссійскаго народа объявилъ «понеже Мы, Великій государь, мілосердуя о васъ, Нашихъ подданныхъ Маллороссійскаго народа людѣхъ, въ прошломъ 1727 г. повелѣли выбрать волными голосы гетмана и соизволяемъ содержать того гетмана и всѣхъ нашихъ подданныхъ по пунктамъ Богдана Хмельницкаго: и того ради зборы отъ бывшей Малороссійской коллегіи, вновь положенные, повелѣли отставить и указали збирать только тѣ зборы, которые збіраны при прежнихъ гетманахъ». Собственно, даже было намѣчено то лицо, которое можно избрать,—бывшій Миргородскій полковникъ Д. Апостолъ, человѣкъ старыхъ мѣстныхъ традицій, сторонникъ Мазепы и Полуботка.

Коллегія была упразднена, но генеральный судъ долженъ былъ состоять изъ трехъ великороссіянъ и трехъ малороссіянъ. Гетманъ самъ предсѣдательствовалъ въ судѣ. Апостолъ, насколько могъ, стремился упорядочить мѣстный судъ и управленіе.

Между прочимъ въ нашемъ архивѣ сохранился—универсалъ (1731 г.). Гетмана Апостола къ Черниговскому полковнику, которому онъ, по просьбѣ Черниговскаго войта, предлагаетъ отмѣнить стѣснительный для г. Чернигова порядокъ, очевидно установленный коллегіей,—назначеніе изъ мѣщанъ сборщиковъ казенныхъ повинностей и счетчика въ сотни: Слабинскую, Вибельскую, Роискую, Бѣлоускую и Полковую,—по два человѣка въ сборщики, по два къ магазину и одинъ въ счетчики. Мѣщане тяготились этой службой, а между тѣмъ въ сотняхъ и другихъ мѣстечкахъ: Сосницѣ, Менѣ, да и съ посполитыхъ могутъ «найтись пристойніе люде». Гетманъ предлагаетъ выбирать не отъ одного Чернигова, но по очереди отъ другихъ мѣстечекъ. Этотъ порядокъ подчеркиваетъ значеніе Магистрата, какъ финансоваго органа для своего уѣзда, а съ другой стороны указываетъ на то, что великорусскіе чины коллегіи и Черниговскіе полковники, перенесли и свои взгляды на горожанъ, какъ на податные органы фиска. Затѣмъ сохранился «облѣкъ» (вексель 1728 г.), выданный на 200 р. Магистратомъ Черниговскому преосвященному Жураковскому, деньги были заняты и употреблены на поѣздку въ Москву къ Государю съ ходатайствомъ о подтверждении городу правъ жалованной грамотой. Кажется, здѣсь разумѣется поѣздка 1690 г.; деньги взяты у «катедры» (архіерейскаго домоправленія) подъ «заставу» озеръ. Въ 1735 г. деньги еще не были отданы; на заставу озеръ заключенъ съ катедрой договоръ по 1743 г.; а затѣмъ есть свѣдѣнія, что озера были перезаложены за 770 р. той же катедрѣ до 1770 г.

Д. Апостолъ скоро умеръ (1734 года). Императрица Анна Ивановна, хотя обѣщала «постановленіе новаго Гетмана», однако учредила правленіе подъ руководствомъ кн. А. И. Шаховского изъ шести членовъ - поровну изъ малороссіянъ и великоруссовъ. Названіе сего правленія—канцелярія гетманского уряду или генеральная войсковая канцелярія. Такія же канцеляріи были полковыя, сотенныя, гдѣ засѣдала старшина; къ этому времени относятъ рѣзкое обособленіе войскового суда отъ магистратскаго, сокращеніе административно-полицейскихъ правъ ратуши, перешедшихъ на полковую канцелярію. При послѣдней заводятся счетныя коммиссіи, куда сборщики доставляли налоги.

О своихъ злоключеніяхъ въ эту мрачную эпоху Черниговцы живо помнили еще въ 1767 г. и разсказывали такъ: «наступила шведская война, вскорѣ после того моровая язва*), а затѣмъ не задолго и преужасній по-

*) Въ Черниговѣ и его полку умерло 11830 ч.

жаръ, такъ что изъ многочисленности дворовъ гражданъ здешнихъ осталось малое число, отъ котораго времени чрезъ пятьдесятъ уже лѣтъ на многихъ мѣстахъ, тогда опустѣвшихъ и до нынѣ строенія не было и нетъ. Посляжъ того всего, Польская и Турецкая войны, во время которыхъ сколь граждане здѣшніе претепѣли высилкою людей по предложеніямъ: въ погонщики, захваченіемъ, не давъ о числѣ повелѣнія, на флотилію и къ полоненію лда, выстаченіемъ разнихъ матеріаловъ и инструментовъ, взятіемъ воловъ, возовъ, сѣделъ, провіянта и фуража, отвозомъ оного въ далніе магазины, кромѣ техъ, кои по предложеніямъ зъ гражданъ здешнихъ во всей воинской исправности были въ тѣхъ походахъ за всѣхъ гражданъ здешнихъ; что какъ все происходило по тогдашнимъ воинскимъ нужнѣйшимъ обстоятельствамъ, того всего и описать нетъ удобства».

«Не безъ жалости воспомянуть можемъ прошедшихъ временъ последовавшіе здешнимъ гражданамъ притѣсненія отъ квартировавшихъ и переходящихъ полковъ и командъ и нерегулярныхъ войскъ, взятіемъ безъ заплаты и безъ квитанцій провіанта и фуража, разныхъ съѣстнихъ вещей, подводъ, упряжей и протчего, приключеніемъ безвинних побоевъ, разнихъ приметокъ и вимисловъ; за что все искать и за полками для того следовать, невсякому возможно, а больше и неудобно было».

Здѣсь надо разумѣть повинности во время Турецкой войны Миниха; было выслано 110000 посполитыхъ въ погонщики—иногда собственнаго же ихъ скота, для продовольствія войскъ и для подвоза фуража; 30000 посполитыхъ выслано для слѣдованія къ Очакову черезъ Днѣпровскіе пороги на паромахъ и баржахъ; тогда же два раза брали у обывателей чумацкіе «мажи», а также посылали людей для рубки лѣса и льда. У духовенства забирали лошади: одинъ разъ десятую, а два раза четвертую.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны нѣмецкій режимъ уступилъ мѣсто русскимъ началамъ. Для Малой Россіи царствованіе было поворотнымъ пунктомъ въ томъ направленіи, какъ при Петрѣ II; были возстановлены гетманскія учрежденія. Въ силу особыхъ симпатій Императрицы къ семейству Разумовскихъ, разрѣшено было избрать гетманомъ молодого Разумовскаго Кирилла Гр. Съ избраніемъ пришлось даже повременить (7 л.), такъ какъ графъ оканчивалъ свое образованіе за границей. Избраніе состоялось въ 1750 г. Въ Малую Россію новый гетманъ явился, будучи камергеромъ Двора, президентомъ академіи наукъ и фельдмаршаломъ, въ дѣлахъ онъ мало понималъ, но прерогативы своей власти охранялъ и, по установившемуся съ Петра В. порядку, назначалъ старшинъ на уряды; правда, были устранены всякіе стѣснительные порядки, заведен-

ные при прежнемъ режимѣ, возстановлены старыя мѣстныя формы управленія; магистратскія учрежденія, подавленныя, а въ нѣкоторыхъ городахъ и упраздненныя, возстановлены, напр. въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Но прежній демократическій духъ исчезъ.

Въ складѣ и настроеніи общества произошли существенныя измѣненія; изъ казацкой старшины образовался высшій классъ населенія, близкій по своимъ правамъ къ шляхетскому, какъ любила себя называть мѣстная знать; шляхетство закрѣпило за собой бывшія ранговыя маетности, населеніе, сидѣвшее на этихъ земляхъ, утратило право собственности на нихъ, владѣльцы расширили свою власть на имущество посполитаго и стали сремиться къ тому, чтобы затруднить и даже лишить посполитаго права перехода отъ владѣльца, т. е. стремились къ прикрѣпленію крестьянъ; казачество очутилось въ подчиненіи назначенной ему старшины. Сельская община оказалась такимъ путемъ во власти владѣльца маетности, самоуправленіе ся исчезло, она лишилась права выбора атамана, священника. Мѣщане также были угнетены. Черниговцы говорять о себѣ такъ: изъяснить же не безприлично о семъ, паче, что и въ мирное время здѣшніе граждане не имѣли, по силѣ жалованныхъ грамотъ, должной свободы, но непрестанно угнѣтаемы и утѣсняемы были высылкою въ деревенскіе, побытности гетмана, смалтужніе и поташеніе заводы мѣщанъ и разныхъ майстеровыхъ людей, по немалому числу чрезъ нѣсколько годъ непрестанно, для рубки и клеймования маштоваго дерева, вистаченіемъ матеріаловъ и инструментовъ, висилкою въ Батуринъ на разніе работы и въ Козелецъ для возки колодъ, чрезъ что съ города Чернигова къ большему опустѣнію разніе майстеровіе люде посходили. По привилеіямъ же Королевскимъ, городу Чернигову даннимъ и Высочайшими грамотами утвержденнымъ, граждане отъ таковыхъ и отъ всѣхъ протчихъ постороннихъ работъ, висилокъ и вистатченій уволнены. Здѣсь вспоминаются, очевидно, работы при постройкѣ Гетманскаго палаца въ Батуринѣ. Постройкой завѣдывалъ извѣстный Тепловъ, къ его услугамъ была Генеральная канцелярія, которая и дѣлала распоряженія о нарядахъ подводчиковъ и мастеровыхъ; надо было 40 столяровъ, 40 кузнецовъ, 200 плотниковъ, 200 грабарей и 300 подводъ. Лѣсъ доставлялся главнымъ образомъ изъ Перелюбской пущи Сосницкаго уѣзда. Имѣются въ виду и работы по приготовленію лѣса, поташа и другихъ лѣсныхъ товаровъ для продажи.

Малороссійское шляхетство расправило свои крылья подъ покровомъ Разумовскаго. Произведена была важная судебная реформа; взамѣнъ войсковыхъ судовъ, образованы выборные отъ шляхетства суды: земскіе (граждан-

скіе) подкоморные (межевые) и гродскіе (уголовные) по Литовскому Статуту. Такъ какъ судъ отдѣлялся отъ военно-административныхъ сотничьихъ и полковыхъ учрежденій, то зводится гражданское дѣленіе полка на повѣты. Черниговскій полкъ раздѣленъ на 2 повѣта Черниговскій и Менскій. За магистратскими судами остались одни гражданскія дѣла мѣщанъ и посполитыхъ и мелкія уголовныя; важныя уголовныя дѣла перешли къ гродскому суду. Эта реформа была прогрессомъ въ смыслѣ выборности судей и отдѣленія суда отъ администраціи.

Со вступленіемъ на Престолъ Екатерины II, Разумовскому дали понять, что его положеніе не совмѣстимо съ видами правительства: преданная Разумовскому старшина возбудила вопросъ о предоставленіи гетманства наслѣдственно одному изъ его сыновей, по указанію Императрицы.—Разумовскому пришлось подать въ отставку.

Была вновь учреждена малороссійская коллегія въ той формѣ, какъ она существовала при Императрицѣ Аннѣ: четыре члена изъ великороссіянъ и 4 изъ малороссіянъ; предсѣдателемъ ея назначенъ генералъ-аншефъ графъ Румянцевъ-Задунайскій съ титуломъ генералъ-губернатора, который фактически и правилъ краемъ; при немъ проведены нѣкоторыя полезныя мѣры, напр. организована почта, введены комисары по повѣтамъ, по выбору владѣльцевъ; къ нимъ перешелъ сборъ податей и посредничество между населеніемъ и переходящими войсками, отъ которыхъ они должны были защищать жителей. Вмѣсто натуральныхъ сборовъ фуражей (консистентовъ), для продовольствія 6 конныхъ полковъ въ Глуховѣ, введенъ рублевый окладъ съ хаты.

При Румянцевѣ изученъ мѣстный порядокъ: произведено статистическо-экономическое изслѣдованіе края,—такъ называемая Румянцевская перепись, подготовлена и проведена реформа старыхъ мѣстныхъ учрежденій въ общеимперскія.

Румянцевъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ этой реформы. Это былъ администраторъ, признававшій порядокъ по образцу военной дисциплины, мѣстные порядки и обычаи ему казались стѣснительными, поэтому онъ ихъ настойчиво выводилъ. Румянцевъ провозгласилъ въ Малой Россіи то непреложное правило, что «всякое прошеніе, затрудняющее высшее начальство, есть преступленіе, которое заслуживаетъ наказанія».

Черниговъ и его общество до реформъ Екатерины II.

При Румянцевѣ Черниговскій магистратъ по магдебургскому праву доживалъ свои дни. Опись г. Чернигова, составленная по распоряженію

Румянцева въ 1765 г., въ связи съ нѣкоторыми другими данными даетъ представленіе о состояніи Черниговскаго общества и магистратскаго управленія, главнымъ образомъ въ XVIII в.

Нельзя мѣрить достоинствъ и недостатковъ стараго магистратскаго управленія масштабомъ современнаго идеала. Надо принять во вниманіе, что это средневѣковая организація, дѣйствовавшая среди иного склада общества. Сравнивать лишь отчасти можно съ тѣмъ, что было до 1648 г. и послѣ 1785 г. Напомнимъ, что Черниговъ въ то время былъ крѣпостью на границѣ другого государства (Польши), что граница была на Днѣпрѣ, что кругомъ его и въ немъ самомъ жило военное населеніе: казаки и русскія войска.

Крѣпость состояла изъ высокаго земляного вала съ палисадомъ, батареями и пушками; подъ валомъ находился довольно глубокій ровъ. Крѣпость (внутренній городъ по плану) заключала въ себѣ слѣдующее пространство: отъ теперешняго парка «на валу» по линіи бульваровъ до Стрижня, который протекалъ тогда подъ самой крѣпостью и по-надъ Стрижнемъ до того-же парка. Въ углу крѣпости была еще маленькая крѣпость-Замокъ, гдѣ теперь лѣтній театръ и ресторанъ, также обведенная валомъ и рвомъ, слѣды котораго еще сохранились и теперь. Въ Замкѣ (цитадели) помѣщались артиллерійскіе склады и была церковь во имя св. Князя Михаила Черн. и боярина его Феодора. Изъ Замка былъ только одинъ выѣздъ по направленію къ Собору. Въ крѣпость же вели трое воротъ: Кіевскія или Любецкія (противъ Собора), Николаевскія или Прогорѣлыя — (противъ Гончей ул.) и Водяныя (къ Стрижню). По пути отъ Замка къ Николаевскимъ воротамъ были въ крѣпости слѣдующія зданія: двѣ каменныя канцеляріи полковая (домъ Мазепы) и градская, двѣ церкви — деревянная, Архистратига Михаила, и каменная Воскресенія Христова; затѣмъ школа, домъ полковничій, лавки «крамніе», каменное зданіе Магистрата городского общественнаго управленія; деревянное зданіе для городскихъ вѣсовъ («важница»). По пути отъ Замка къ Кіевскимъ воротамъ были зданія: храмы и келіи Борисоглѣбскаго монастыря и при немъ «школъ латинскихъ» (семинаріи), причемъ общежитіе (бурса) помѣщалась внѣ крѣпости за Кіевскою брамою.

За крѣпостью или Старымъ Мѣстомъ находилось «новое мѣсто» (передній городъ) также обведенное валомъ, который давно уже не поддерживался. Валъ этотъ шелъ отъ Екатерининской церкви, по обрыву горы до Елецкаго монастыря и сворачивалъ въ сторону Богуславской ул. и, не доходя до Стрижня, поворачивалъ къ крѣпости. Часть новаго мѣста, между церковью Екатерины, Елецкимъ монастыремъ и дорогою отъ крѣпости на Любечъ,

называлась «Третьякъ» (теперь кварталы по Елецкой ул.). Мѣстность близъ Воздвиженской церкви называлась «Могилки». Сюда постепенно переходилъ изъ крѣпости базаръ, пока не перешелъ еще далѣе, на Пятницкое Поле.

Весь остальной или внѣшній городъ былъ обнесенъ 3-мъ валомъ, окружавшимъ по обрыву горы Елецкій монастырь, усадьбу Духовнаго училища и дальше мимо Деморсновскаго кирпичнаго завода (слѣды вала сохранились) охватывавшимъ усадьбу Богоугодныхъ заведеній; черезъ Ковалевку валъ выходилъ на Ростиславскую ул. (слѣды на Елецкомъ огородѣ) и отъ «Пяти угловъ», огибая гор. усадьбу сборнаго пункта, усадьбу земства, Снигиревой и губернаторскую, валъ шелъ къ Красному мосту.

Отъ крѣпостныхъ брамъ или воротъ шли главныя улицы города. Такъ, отъ Кіевскихъ воротъ шла улица на Кіевъ и Любечъ—тамъ, гдѣ теперь проходитъ шоссе; отъ Пятницкаго Поля дорога шла на Кіевъ пустырями, гдѣ теперь Троицкая ул. и далѣе полемъ, черезъ оврагъ, ближе Воскресенской церкви, мимо Троицкаго монастыря. Вокругъ Воскресенской церкви было городское кладбище, часть котораго отошла потомъ подъ площадь; тамъ же помѣщалась общая городская богадѣльня, построенная на средства обывателей, особенно братьевъ Еньковъ и Степана Милорадовича; при богадѣльнѣ была и городская больница. Другая улица отъ Кіевской брамы шла къ Троицкому монастырю—по Третьяку, затѣмъ подъ горою Елецкаго монастыря и подъ Болдиною горою.

На лугу, ближе къ крѣпости, была Московская слободка, гдѣ жили гарнизонные солдаты; далѣе, подъ Третьякомъ, шелъ Подолъ (теперь Старо-Стриженская ул.) и еще далѣе—слобода Лѣсковица и за нею слободка Метловка.

Отъ Николаевскихъ воротъ начиналась самая длинная тогда и относительно прямая улица—Гончая или Гонцая. Она шла мимо приходскихъ церквей—Николаевской (гдѣ теперь обществ. библіотека), Богоявленской (гдѣ теперь Николаевская) и Срѣтенской (близъ женскаго духовнаго училища). Другая улица шла по дорогѣ на Глуховъ; здѣсь помѣщались городскія мясныя и рыбныя лавки; дорога шла по Взвалью (надъ Стрижнемъ) къ Гноевой плотинѣ и Красному мосту, который былъ тогда длиннѣе.

За мостомъ прямая дорога (Смоленская) вела мимо загороднаго архіерейскаго дома и церкви при немъ (гдѣ теперь Сиротскій домъ и городской садъ); другая дорога, на Нѣжинъ, шла черезъ Зеленый мостъ на р. Кордовкѣ и Луговой мостъ, къ паромной переправѣ, издавна принадлежавшей городу. Тамъ содержались одно и двухъ—байдачный паромы и два дуба. Другая паромная переправа была ниже по теченію на мѣстѣ Кіевскаго моста.

Населеніе мѣстилось главнымъ образомъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ была масса улочекъ и переулочковъ. Всего числилось тогда въ Черниговѣ не много болѣе 400 домовъ; причемъ было не мало бѣдныхъ хатъ безъ дворовъ.

Магистратъ въ 1766 г. отзывался о своемъ городѣ такъ: Черниговъ при такомъ мѣстѣ положеніемъ состоитъ, гдѣ противъ протчихъ городовъ Малороссійскихъ, никакихъ разнихъ заводовъ, скотоводства, ни промисловъ пенечнихъ и табачнихъ и ниже какихъ либо другихъ, чемъ бы граждане могли себѣ имѣть пропитаніе и снабдѣніе, кромѣ вынняго куренія и шинкованія и продажи съѣстнихъ вещей, не имѣетъ. Въ Черниговѣ даже черезъ 20 лѣтъ числилось всего 627 домовъ, тогда же было 10 кузницъ, 18 мельницъ, 8 кирпичныхъ заводовъ, 14 винокуренъ, 1 пиво-варня и 4 солодовни; лавокъ 68, заведеній трактирнаго промысла 8 и 3 бани. Несмотря на то, что Черниговъ въ XVII в. перенесъ четыре разоренія 48, 51, 62, 68, а въ XVIII ст. два громадныхъ пожара въ 1718 и 1750 г., и три моровыя язвы 1710, 1711, 1771 г.г., населеніе его росло, онъ отстраивался; въ немъ было до 4000 жителей; была промышленная жизнь въ сельско-хозяйственномъ направленіи; послѣднее объясняется тѣмъ, что мѣщане, казаки и посполитые занимались хлѣбопашествомъ. Была развита и ремесленная жизнь, числилось 185 мастеровыхъ тринадцати спеціальностей.

Въ торговомъ отношеніи Черниговъ стоялъ сравнительно не ниже, чѣмъ теперь. Въ немъ было 4 ярмарки—съ 6 января, 8 іюля, 20 сентября и кромѣ того торговый съѣздъ въ десятую пятницу (Десятуха), на которыя, кромѣ окрестныхъ обывателей, съѣзжалось купечество изъ Нѣжина съ великорусскими и шленскими (силезскими) товарами, Донцы съ рыбой, чумаки съ крымской и коломыйской солью; среди купечества выдѣлялась фирма Енько, въ рукахъ которой была сосредоточена заграничная торговля: отпускъ юфти, мыла, воска, рѣшстиловскихъ смушекъ; привозъ: сукна, кось; обороты Енько по одной привозной торговлѣ составляли 150 т. р.. Кромѣ того изъ Чернигова вывозили: водку и издѣлья лѣсного промысла. Торговля въ Черниговѣ не могла въ тѣ времена развиться въ виду сосѣдства большихъ и ярмарочныхъ центровъ Нѣжина и Кролевца, лежавшихъ ближе къ степной Украйнѣ.

Главное ядро населенія стараго Чернигова составляло мѣщанство съ верхнимъ купеческимъ слоемъ (2444); на низу были посполитые, панскіе, монастырскіе и магистратскіе (656); къ мѣщанству примыкало приходское духовенство (192); вверху было высшее духовенство (черное) и старшина (знать); изъ старшины въ городѣ жили только тѣ, кого удерживала служ-

ба (Дзвонкевичъ, Стефановскій, Константиновичъ, Сахновскій и нѣк. др.); по преимуществу же старшина жила въ маетностяхъ.

Посполитые были близки къ гражданскому безправію; старшина съ чернымъ духовенствомъ имѣла свои владѣльческіе интересы, противоположные посполитымъ и сталкивающіеся, какъ мы видѣли выше, съ мѣщанскими; затѣмъ какъ духовенство, такъ и старшина имѣли каждое свою особую организацію, выходившую за предѣлы города. Городская же общественная жизнь держалась на мѣщанствѣ и приходскомъ духовенствѣ, какъ выразителѣ религіозно-нравственныхъ и умственныхъ интересовъ горожанъ. Духовенство, благодаря выборному началу, выходило изъ всѣхъ классовъ общества. Среди Черниговскихъ священниковъ встрѣчаемъ: Котовича, Сендровскаго, Кричевскаго, Левицкаго, Огіевскаго, Корбелецкаго, Григоровича (старинная боярская фамилія), Колчицкаго (шляхетская фам.,) Шубу, (Сотникъ Выбельскій), Домонтовича, Стефановскаго, Долинского, Комаровского, Енько. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣщанство проникало и въ среду старшины, достаточно указать фамиліи: Шираевъ (Стародубъ) Конисскихъ, Тернавіотов (Нѣжинъ), Каневскихъ (Черниговъ).

Мѣщанство имѣло сплоченную организацію, благодаря которой въ его рукахъ было и магистратское управленіе и церковно-приходскія дѣла. Ячейка этой организаціи—цеховое братство.

Цеховое устройство пришло къ намъ съ запада Европы во времена Польско-Литовскаго господства. Цехъ (Zeichen)—знакъ: каждый цехъ имѣлъ символическій знакъ съ начертаніемъ орудія даннаго ремесла. Въ основѣ цехового строя лежала общность интересовъ ремесла, изъ чего вытекало стремленіе къ монополіи въ данной области и отвѣтственность передъ потребителемъ за доброкачественность издѣлій цеха; отсюда право суда надъ членами цеха; патріархальность отношеній и духъ религіозности, усилившійся въ силу борьбы съ католичествомъ, придали ремесленному союзу идейную братско-товарищескую окраску. Всякій, готовящійся къ данному ремеслу, долженъ пробыть нѣсколько лѣтъ ученикомъ у цехового; получивъ право подмастерья, онъ отправлялся съ образовательною цѣлью въ путешествіе въ другіе города, гдѣ развита отрасль данной промышленности, иногда и за границу. Возвратясь изъ путешествія и представивъ удостовѣренія о своихъ занятіяхъ, подмастерье подвергался экзамену, и тогда его принимали въ цехъ при торжественной обстановкѣ, съ могарычемъ за его счетъ; непринадлежащій къ цеху не имѣлъ права заниматься даннымъ ремесломъ; территорія цехового вѣдомства выходила за предѣлы города и распространялась на околичныя села; это побуждало сельскихъ мастеровыхъ

вступать въ цехи или основывать свои. Цехъ и торговалъ своими издѣліями, такъ что сфера его монополіи была велика. Если припомнимъ, что и мѣстные крамари (купцы) имѣли такую же монополію не допускать раздробительной продажи товара со стороны пріѣзжаго купца, то станетъ понятнымъ необходимость ограниченія цеховыхъ и торговыхъ монополистовъ въ интересахъ потребителей. Такой гарантіей для потребителя противъ возвышенія цѣнъ были таксы, широко примѣняемыя въ средніе вѣка.

Цеховые товарищи или братчики выбирали себѣ главу—цехмистра, писаря, подскарбія или шафаря (казначея), которые и вѣдали цеховыя дѣла, какъ то: пріемъ членовъ, веденіе кассы (скрынки), судъ надъ братчиками и ремесленниками, нарушающими цеховыя права, завѣдываніе имуществомъ (цехи имѣли свои дома—дворы братскіе, шпитали).

Цехъ имѣлъ свое знамя—хоругвь съ изображеніемъ патрона ремесла и святыхъ, въ честь которыхъ цеховая приходская церковь, погребальныя носилки—мары. Цехи имѣли разрѣшительные привилеи польскихъ королей и листы гетмановъ и полковниковъ. Въ этихъ статутахъ выдвигается на первый планъ идейная сторона союза «братерство», «къ церкви Божіей пожиточныя услуги», «прежнія христіанскія обыкновенія», «порядокъ взглядомъ вспоможенія божественной церкви». Въ такихъ *обыкновеніяхъ* чувствуется братство христіанъ первыхъ временъ. Церковь для людей того времени имѣла громадное значеніе: она давала имъ этику, общественное призрѣніе, просвѣщеніе, церковь питала живопись [1]), воспитывала музыкально-вокальныя способности [2]).

Ремесленники странствующіе, «мандрованые дяки», путешествующіе монахи и высоко-образованное духовенство были носителями и проводниками просвѣщенія и культуры во всѣ слои общества.

Понятно усердіе братчиковъ къ церкви и забота о благолѣпіи ея: они доставляли туда свѣчи, имѣя свои ставники, устраивали образа, иногда иконостасы, участвовали въ постройкѣ и ремонтѣ церковныхъ строеній. Цехмистры наравнѣ съ ктиторами (старостами) имѣли голосъ въ разрѣшеніи приходскихъ дѣлъ; несомнѣнно, что цеховыя братства, какъ составляю-

---

1) На иконахъ тогда изображали молящуюся паству въ мѣстныхъ костюмахъ, кромѣ того въ храмахъ и монастыряхъ были портреты настоятелей, строителей, жертвователей. Въ Елецкомъ монастырѣ сохранился портретъ св. Феодосія Углицкаго, а также портретъ Дунина-Борковскаго, (теперь въ музеѣ В. В. Тарновскаго).

2) Малороссія тогда славилась голосами и пѣніемъ, изъ мѣстныхъ хоровъ брали со временъ Алексѣя Михайловича въ придворную капеллу; многіе такимъ путемъ сдѣлали себѣ карьеру.

щія ядро прихода, имѣли большое вліяніе на избраніе приходского духовенства и ктиторовъ.

Средства для своихъ и церковныхъ нуждъ цеховыя братства черпали изъ скринки (кассы), пополняемой вступительными, членскими взносами, штрафами, доходами отъ своихъ имуществъ, кануновъ [1]).

Церковь тогда больше нуждалась въ средствахъ, такъ какъ функціи ея были шире. При каждой церкви даже при Преображенскомъ Соборѣ была школа. Школа обыкновенно помѣщалась въ «дзвоницѣ» (колокольнѣ). Здѣсь же было и помѣщеніе, гдѣ жили дякъ-учитель со своими «молодиками», школярами—хористами; тутъ обыкновенно имѣли пребываніе и перехожіе (мандровани) дяки; обученіе велось по старинной методѣ по часослову и псалтыри; цѣль его—чтеніе и пониманіе святого письма, но здѣсь же ученики воспринимали и литературные вкусы—къ виршамъ и кантамъ, псальмамъ, думамъ. Эти роды произведеній тоже были продуктомъ учительско-школьнаго творчества на высшихъ его ступеняхъ. Къ обученію въ школахъ и коллегіяхъ допускались дѣти всѣхъ классовъ, начиная съ посполитыхъ и кончая дѣтьми казачей и духовной старшины, но дѣти послѣдней стремились по преимуществу въ Кіевскую академію.

Черниговъ въ XVII и первой четверти XVIII в.в. былъ центромъ просвѣщенія для всей лѣво-бережной Украйны. Хотя Кіевъ и остался за Россіей, но правобережная Украйна отошла къ Польшѣ, Кіевскія церкви и монастыри утратили свои маетности на правомъ берегу и пришли еще въ большій упадокъ, чѣмъ при Польскомъ владычествѣ во время борьбы съ уніатами и католиками. Кіевскіе ученые (монахи) вслѣдъ за Лазаремъ Барановичемъ, Архіепископомъ Черниговскимъ, переселяются въ Черниговщину. Съ половины XIV вѣка епископы Черниговскіе именуются брянскими, дебрянскими и черниговскими, изъ чего надо заключить, что каѳедра Черниговская перенесена была въ Брянскъ, затѣмъ въ XVI в. послѣ присоединенія Сѣверщины къ Москвѣ нѣкоторые епископы именуются смоленскими и черниговскими. И только въ половинѣ XVII в. Черниговская епархія входитъ въ составъ Кіевской митрополіи, епископомъ былъ Зосима, который, однако, жилъ въ Кіевѣ въ Михайловскомъ монастырѣ, будучи коадью-

[1]) Канунъ иначе «складъ», старинный церковный обычай складчины. Передъ храмовымъ или большими праздниками, а у цеха передъ его патрональнымъ, прихожане или братство устраивали складчину изъ сотъ меду, котораго тогда было много; медъ этотъ варили, воскъ отдавали въ храмъ, а медъ распродавали; вырученныя деньги также обращались на нужды церкви. Это медовареніе было освобождено отъ всякихъ питейныхъ сборовъ.

торомъ Кіевскаго митрополита. По присоединеніи Черниговщины къ Москвѣ Кіевскій митрополитъ образовалъ въ 1657 г. самостоятельную черниговскую епархію, въ епископы которой былъ посвященъ знаменитый Лазарь Баранович ъ, который тоже нѣкоторое время оставался въ Кіевѣ, затѣмъ въ 60 годахъ жилъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, и только въ 1672 году поселился въ Черниговѣ. Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ и вообще вся епархія ему обязаны своимъ устройствомъ, многіе храмы и монастыри возстановленіемъ, имъ основана типографія сначала въ Новгородсѣверскѣ, затѣмъ перенесена въ Черниговъ (въ Ильинскій монастырь), въ Новгородсѣверскѣ имъ устроена латинская школа высшаго типа по образцу бывшей доминиканской, позднѣе она здѣсь закрылась, но при архіепископѣ Іоаннѣ Максимовичѣ подобная школа появляется (1700 г.) въ Черниговѣ, подъ именемъ коллегіума, который открытъ при Борисоглѣбскомъ монастырѣ, помѣщался въ зданіи нынѣшней колокольни, впослѣдствіи этотъ коллегіумъ преобразованъ въ семинарію. Лазарь Барановичъ игралъ большую роль въ современной политикѣ, общественной жизни, литературѣ и умѣлъ подобрать образованныхъ талантливыхъ и энергичныхъ сотрудниковъ. Достаточно назвать имена І. Голятовскаго, устроителя Елецкаго монастыря, святыхъ: Феодосія Углицкаго, Димитрія Ростовскаго, затѣмъ І. Максимовича, А. Стаховскаго, Крещановича, Черниговскихъ архіепископовъ и архимандритовъ. Духовенство, въ которомъ подъ вліяніемъ борьбы съ католичествомъ былъ высокъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ, къ исторіи, литературѣ, —развило въ Черниговѣ просвѣтительныя средства; началось книгоиздательство. Свѣтское общество усердно поддерживало монастыри и церкви, «надавая» на содержаніе ихъ маетности и другіе источники (перевозы, право сборовъ), принося щедрыя жертвы. Среди щедрыхъ жертвователей выдѣляются Борковскіе, Лизогубы, Полуботки, Шубы, Еньки и др. черниговскіе обыватели.

Вѣроятно, въ силу этихъ особыхъ обстоятельствъ, вызывавшихъ усердіе общества къ церкви, число приходскихъ храмовъ въ Черниговѣ было больше, чѣмъ теперь; въ Березкахъ было два: св. Варвары и Вознесенья, на Гончей три: Николая, Богоявленія и Срѣтенія, въ Крѣпости кромѣ соборныхъ, два: Воскресенья и св. Михаила. Церкви св. Екатерины и Покровская составляли два приходскихъ храма. Покровская церковь была на предмѣстьѣ Третьякъ, гдѣ теперь усадьба Екатерининской церкви по Ник. ул. Къ гетманской эпохѣ, судя по архитектурѣ и другимъ даннымъ, относятся: постройка Екатерининской церкви, Троицкаго храма, основаннаго Лазаремъ Барановичемъ коштомъ Мазепы, обновленіе Елецкаго Успенскаго

храма и Ильинскаго, Пятницкаго, въ ихъ главахъ наилучше выдержанъ украинскій архитектурный стиль.

Въ 1748 г. было 9 приходскихъ храмовъ и при нихъ школы. Почти въ каждомъ храмѣ въ особомъ зданіи помѣщался шпиталь (госпиталь), который былъ и богадѣльней и больницей; въ 1748 г. шпиталей было также 9; затѣмъ число шпиталей уменьшилось, въ 1765 г.—6; причемъ въ числѣ ихъ одна общая богадѣльня, не состоявшая ни при какой церкви.

Шпитали содержались главнымъ образомъ на счетъ доброхотныхъ даяній, и, вѣроятно, церковно-братскихъ средствъ.

Не меньшую роль играли цехи въ гор. общ. управленіи—Магистратѣ. Цехмистры наравнѣ съ войтами, бурмистрами и другими выборными членами, «мѣской рады», являлись представителями интересовъ городского общества.

Въ 1697 г. Черниговскій мѣйскій урядъ судился съ Ив. Молявкой за клевету и захватъ тѣмъ городской мельницы; представителями городскихъ интересовъ на судѣ, кромѣ войта и бурмистра, выступали еще 5 цехмистровъ

Въ 1730 г. умеръ Черниговскій войтъ Федоръ Лопата. Гетманъ Д. Апостолъ, черезъ Черниговского Полковника М. С. Богданова, предложилъ мѣщанамъ и цеховымъ, «Майстрату Черниговскаго урядникомъ Войта Черниговскаго выбрать волными голосами и о томъ бы, за ихъ руками, выборъ и того выбраннаго на войтовство прислать» ему, Гетману, для утвержденія. Полковникъ передалъ универсалъ гетмана наказному войту, бурмистру К. Марковичу и другимъ бурмистрамъ и просилъ произвесть выборы.

Выборы происходили въ ратушѣ; на выборы явились, однако, только цеховые, магистратскіе урядники и райцы; были цехмистры съ товарищами семи цеховъ: кравецкаго, шевскаго, рѣзницкаго, ткацкаго, шаповальскаго, перепечайскаго, ковальскаго. Въ 1785 г. тоже было 7 цеховъ, но вмѣсто шаповальскаго упоминается гончарскій, вмѣсто ковальскаго—котлярскій. Изъ урядниковъ явились 4 бурмистра и 25 райцевъ, какъ «рочные», такъ и запасные [1]).

Очевидно, это и есть нормальный складъ городской рады—цеховые и райцы; въ другихъ документахъ упоминаются еще лавники. Собравшіеся предварительно «заразъ бурмистровъ п. п. К. Марковича, І. Титовича и

[1]) Среди цеховыхъ упоминаются теперь фамиліи: Гапоновъ, Лукьяновъ, Бубликъ, Пинчукъ; среди райцевъ: Д. Митаревскій, Бѣлявскій, Иллющенко. Л. Речицкій, І. Кукса. Г. Евченко, Писарь Росовскій; среди бургомистровъ былъ одинъ полякъ І. Garenski.

I. Петровича з ратуши просили выступити, чтобъ изъ нихъ, яко изъ старшихъ, въ томъ обраню войта не было якого насилства и препоны». Когда тѣ вышли, послѣдовало совѣщаніе; «по многихъ разговорахъ и по совѣту довольному, сказано въ избирательномъ актѣ, мы наши волные голосы даемо—быти Войтомъ Черниговскимъ I. Титовичу—бурмистру». Баллотировки тогда еще не было, -голоса подавали коллективно—7 голосовъ цеховыхъ и 8-й голосъ «раецкій». Выборный актъ составленъ писаремъ и скрѣпленъ подписями избирателей, въ томъ числѣ и удаленными изъ зала собранія бурмистрами. I. Титовичъ, съ избирательнымъ актомъ и съ донесеніемъ полковника, лично представился Гетману; тотъ «респектуючи на его п. I Титовича радѣтельные въ майстратѣ Чернѣговскомъ заслуги», выдалъ ему утвердительный универсалъ, «абы тѣ бурмистры, райци, мѣщане и цеховіе урядники и все тамошнее посполство,—признавая п. I. Титовича, «въ гражданскихъ порядкахъ» за управителя, надлежащую ему «давали честь и обыклое повиновеніе», а онъ долженъ, «на урядѣ поступати радѣтелно и порядочно, довольствуя обиженнаго расправою и сатисфакціею».

Въ справахъ говорится, что войтъ, «яко есть начальникъ и судія гражданъ, имѣетъ власть тѣмъ городомъ править, градскіе порядки всякіе устроевать, однакъ, съ совѣтомъ другихъ урядниковъ и знатнѣйшихъ мѣщанъ въ пользу общенародную гражданскую, имѣть же ко всякому добросклонность и невозбранный къ себѣ приходъ позволять, а вѣдомства своего мѣщанъ, а наипаче вдовъ и сиротъ отъ обидъ и озлобленій охранять со всякою ревностью, непослушныхъ же и преступныхъ штрафовать и наказывать и во всемъ поступать съ разсмотрѣніемъ управно, по своему званію, какъ надлежитъ доброму и бодрому градоначальнику, да по сему же во всемъ примѣнятися надлежитъ и другимъ магистровымъ членамъ и урядникамъ, яко то бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ».—Войтъ, какъ представитель города, второе лицо послѣ полковника, пользовался большимъ престижемъ и являлся представителемъ гражданъ на выборахъ: Архіепископа и Архимадритовъ [1]).

Мѣсто войта заступалъ бурмистръ и носилъ титулъ наказнаго войта, намѣстника войтовскаго или ленвойта. При польскомъ владычествѣ, когда

[1]) Приводимъ фамиліи нѣкоторыхъ извѣстныхъ войтовъ г. Чернигова: Ив. Яхимъ (1638), Скиндеръ (1649) А. Тимковичъ (1651); войты Гр. Яхимовичъ, сынъ Яхима, (1666—85), Ст. Огроховичъ (1685—93), Ев. Евлевичъ (1693—1701), Ф. Лопата (1706—1730). I. Титовичъ (1731), К. Каневскій (въ 50 г.г.), Н. Шаронъ (1766),

войтовство было пожаловано коменданту крѣпости [1]), Черниговцы выбирали себѣ ленвойта (ландъ-войта—земскаго войта), который и былъ de facto войтомъ.

Войтъ—предсѣдатель ратуши (думы и управы) и магистрата (суда), былъ главою мѣйскаго уряда, который состоялъ изъ 4 бурмистровъ (бургомистровъ); по современному, бурмистры есть члены управы, ибо они получали содержаніе, какъ и войтъ; хотя въ присутствіи бурмистры чередовались по годамъ, было два «рочныхъ», а два могли отсутствовать [2]).

Несомнѣнно, что бурмистры [3]) выбирались тѣмъ же порядкомъ, что и войты. «Кромѣ того, въ онномъ присутствіи, въ докладѣ дѣлъ, находится писарь Магистратовій» (секретарь) говоритъ опись. Составъ присутствія усиливали 5 рочныхъ райцевъ, которые смѣняются слѣдующій годъ—другой «лавой» райцевъ; черезъ три года выборы райцевъ; на три же года они освобождаются отъ обязанностей, а на слѣдующее трехлѣтіе вновь могутъ быть избраны. На «райцевъ», какъ и на послѣдующихъ гласныхъ, могли быть возлагаемы порученія по городскому хозяйству. Число райцевъ, какъ и бурмистровъ, не было предусмотрѣно въ законѣ, зависѣло оно отъ обычая и усмотрѣнія общества. Какимъ порядкомъ выбирались райцы,—мы не знаемъ.

Въ ратушѣ и магистратѣ были канцеляріи, «у письменныхъ делъ находящіяся». Старшіе чиновники (дѣлопроисводители) назывались канцеляристами, писали они очень бойко и толково, напр. опись (1765 г.), изъ которой мы заимствуемъ свѣдѣнія, сочинялъ Черниговскаго магистрата канцеляристъ М. Бочко.

Магистратъ имѣлъ свою печать, она сохранилась въ музеѣ В. В. Тарновскаго. Печать мѣдная, по срединѣ гербъ войска Запорожскаго; кругомъ надпись славянскими литерами «Ея Императорскаго Величества магистрату

[1]) Это былъ довольно обычный въ Польшѣ порядокъ, ибо въ войтовствѣ видѣли синекуру, какъ и во многихъ должностяхъ, съ которыми были сопряжены доходы съ маетностей и сборы съ населенія.

[2]) Въ 1765 г. рочніи бурмистры—Гр. Бубликъ и С. Речицкій; М. Енько, «за приключившоюсь ему болѣзнію», а И. Кутѣнь, за своими тяжебными дѣлами, не присутствуютъ.

[3]) Кромѣ упомянутыхъ выше, извѣстны еще слѣдующія фамиліи Черниговскихъ бурмистровъ—съ 1669: Гр. Олешковичъ, Е. Марковичъ, И. Голобояриновичъ, И. Юркевичъ, Ст. Отроховичъ, И. Клевцовичъ, И. Тарасевичъ, Р. Лопата, И. Матвѣевичъ, О. Якимовичъ, О. Романовичъ, С. Дуброва, И. Еньковичъ, Г. Звѣръ, И. Скойвидъ, И. Даевскій. У большинства еще нѣтъ фамилій,—вмѣсто фамилій отчества.

печать». Было и знамя магистратское. Въ торжественныхъ случаяхъ и цехи являлись со своими знаменами [1]).

Вѣдомству магистрата или, какъ тогда говорили, «присуду», подлежали мѣщане, цеховые, посполитые магистратскихъ селеній и поселившіеся на магистратскихъ земляхъ подъ городомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (въ судебномъ) посполитые и другихъ владѣльцевъ, а равно и казаки.

Предметы вѣдомства Магистрата: на первомъ планѣ надо поставить судъ. Магдебургское право различаетъ функціи бурмистровъ съ радцами—гражданско административныя и войта съ лавниками—уголовныя; но въ малой Россіи и въ Ратушѣ, и въ Магистратѣ засѣдали всѣ урядники; требовалось для законности состава присутствія въ ратушѣ 3, а въ Магистратѣ 5; Магистратъ рѣшалъ дѣла—гражданскія и уголовныя, производилъ слѣдствіе и приводилъ въ исполненіе рѣшенія, вплоть до смертной казни, практиковавшейся нерѣдко, въ виду жестокости наказаній, опредѣляемыхъ въ устарѣлыхъ законахъ; но судъ, руководясь обычаемъ, часто смягчалъ кару. Аппелировать на рѣшенія магистратскаго суда можно было къ полковничьему суду или къ гетманскому, смотря по значенію магистрата. Самъ Магистратъ судился въ генеральномъ (гетманскомъ) судѣ.

Процессъ построенъ былъ на началахъ состязательности истца и отвѣтчика; дѣла, если не переносились въ высшія инстанціи, рѣшались быстро. Судоговореніе совершалось публично, поэтому допускалось широкое участіе населенія, которое могло перейти изъ роли публики въ роль свидѣтеля, если имѣло что показать важное для выясненія обстоятельствъ дѣла. Магистратъ вѣдалъ и дѣла нотаріальныя всѣхъ сословій даннаго округа, совершалъ купчія и другія сдѣлки, заклады; въ его книги заносились заявленія, имѣвшія значеніе опротестованія. Далѣе, Магистратскому суду подлежали и дѣла по опекѣ надъ малолѣтними.

Вѣдѣнію гор. общ. управленія подлежали, конечно, и цехи. На второмъ мѣстѣ надо поставить хозяйственно-имущественныя дѣла г. Чернигова.

Польское правительство, какъ мы видѣли раньше, отвело Чернигову громадную территорію, въ значительной степени пусто-порожнюю. Первые гетманы и полковники, подтверждая королевскія привиллегіи, передали Магистрату и нѣкоторыя имущества и маетности, служившія раньше источ-

[1]) Въ музеѣ В. В. Тарновскаго сохранился еще цеховой знакъ: «Кравецкаго и Кушнѣрскаго Черниговскаго цеха»—создася стараніемъ п. Цехмистра Ив. Гудима и п. Вл. Нестеревка зо всею братіею". На одной сторонѣ изображеніе св. Евстафія и Прокопія. Знакъ мѣдный называется «цешка" (№№ каталога 307 и 510).

никами содержанія для замка и его коменданта-войта, а равно и другихъ польскихъ чиновъ. Магистратъ указываетъ маетности: Петрушинъ, Хмельницу, Слабинъ, Рудку, «Седневщину», Суличевку, Свинь, Березанку, Киселевку, Евинъ; мельницы Погорѣлую на Бѣлоусѣ, Ялоцкаго и Поповскую на Стрижнѣ, Старобѣлоускую, Рижиковскую, Грицковскую и Лопатинскую. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, были переданы въ «держаніе» Магистрата, а прочія, какъ свободныя войсковыя имущества,—первое время, подлежали его вѣдомству, какъ управленія. Впослѣдствіи эти послѣднія имущества были розданы или разобраны мѣстной войсковой старшиной.

Такъ, Суличевка и не могла остаться за Магистратомъ, ибо это было наслѣдственное владѣніе, со временъ польского господства, шляхтичей Добронизскихъ, приставшихъ къ казачеству и утвердившихъ за собою означенное владѣніе.

Слабинъ оказался у Лизогубовъ, у нихъ же и мельницы Ялоцкаго, Старобѣлоуская, Лопатинская (Лизогубы въ Черниговѣ были полковниками), Рудка перешла Пятницкому монастырю, Грицьковская мельница, была въ Жовинкѣ устроена мельниками Гриценками, перешла къ протопопу Сендаровскому.

Магистратъ судился въ генеральномъ судѣ въ 1697 г. за Погорѣловскую мельницу съ войсковымъ товарищемъ Ив. Малявкой, а въ 1764 г. съ К. Лизогубомъ за Ялоцкую мельницу; дѣла выигралъ, но впослѣдствіи всетаки послѣдняя мельница была утеряна.

Оставшіяся маетности служили источникомъ содержанія городовой старшины: войта и бурмистровъ. Войтовскія маетности: Березанка—7 двор., Свинь—13 дв., Киселевка, которую захватила вдова Городницкого атамана Ярошевичева; крестьянъ тамъ не показано по описи, а одни казаки. Бурмистрамъ принадлежали: Хмѣльница--17 дв., с. же Петрушинъ--62 дв. и хуторъ съ мельницей Погорѣловской былъ въ распоряженіи ратуши; при этомъ хуторѣ значатся сосновая и березовая рощи и дубовый чагарникъ (кустарникъ), а также мельница о двухъ колахъ.

Вновь образованной въ 1785 г. думѣ передано 577 душъ крестьянъ въ с.с. Петрушинѣ, Свинѣ, Березанкѣ, Хмельницѣ и въ Погорѣлкахъ; было и въ Черниговѣ 5 душъ; при тѣхъ селахъ земли и угодья, владѣемыя крестьянами.

Городу была отведена громадная территорія, о подтвержденіи правъ на нее онъ домогался еще въ 1766 г., но поддержать права своего вѣдомства и «присуда» на нее городъ не смогъ,—онъ даже утратилъ права собственности на пустопорожнія земли: онѣ отошли къ тѣмъ селеніямъ, ко-

торыя возникали на нихъ, а селенія перешли монастырямъ да казачьей старшинѣ; даже свободныя земли, не принадлежавшія селамъ, были разобраны казаками и разными чинами. Однако, Магистрату на правахъ собственности остались: выгоны по эту сторону Десны, называемые «Лугъ», отъ р. Немна до р. Бѣлоуса, прилегающіе къ городу, а съ другой стороны города «Пятницкое поле», гдѣ начала образовываться Слободка подсусѣдковъ; сѣнокосы за р. Десной: 1 на войта, 4 на бурмистровъ и 1 на писаря (вотъ это тѣ уволоки, упоминаемыя въ грамотахъ); здѣсь былъ и хуторъ, вѣроятно, Енковъ, ибо Еньки были бурмистрами. Тамъ-же 2 сѣнокоса Запрурвянскій, а другой за Онисовскимъ перевозомъ [1]); на нихъ становилось по 40 стоговъ, стогъ отъ 15 до 25 кидныхъ возовъ; и островъ Бузовая.

Кромѣ того, Магистратъ оспаривалъ у комендантовъ хуторъ за р. Десной, съ сѣнокосами, дубовымъ лѣсомъ и оз. Плетнями; сѣнокосы служили для корма артиллерійскихъ лошадей.

На лугахъ озера съ рыбными ловлями: два Торчина--«вишній и нижній», 2 Старыя Десны--одна за паромомъ, а другая за Прорвой между Комендантскимъ хуторомъ и Магистратской сѣножатью, Галинъ, Глушецъ, Либедь, Кривое, Печище, Колы, Буянищкое, Пуховъ, Грузская, Тихое, Гостинъ---«вишній и нижній», Стриженъ, Циганово, два Гулаки съ Десенкою, Спасское и новозасыпанное озеро противъ парома--Грузкая.

Паромы по Нѣжинскому тракту: двухъ-байдачный и одно-байдачный и два дуба при нихъ---съ давнихъ временъ принадлежали Чернигову.

Имущества въ городѣ: земля, гдѣ до пожара 1750 г. былъ Магистратъ и лавки; дворъ на Пятницкомъ полѣ; два дома на Замковой улицѣ, о чемъ выше было упомянуто,---Ратуши и Магистрата, послѣдній въ двухъ «партаментахъ каменныхъ». При Магистратѣ городскіе вѣсы--«важница деревянная», лавки крамныя и «ятки»; по выходѣ же изъ Лоевскихъ воротъ, «на новомъ мѣстѣ», по правую сторону Глуховской дороги (противъ нынѣшней Общественной Библіотеки)---лавки мясныя и рыбныя; затѣмъ--по Любецкой улицѣ, недалеко отъ Пятницкаго монастыря, на ярмарковой площади (теперешній базаръ) были также лавки мясныя, крамныя и легкія помѣщенія для ярмарковыхъ шинковъ.

Въ 1786 г. передано думѣ, кромѣ торговыхъ площадей, 73 лавки; затѣмъ Магистратъ имѣлъ доходъ съ земель, сданныхъ подъ постройки, огороды, лавки, мельницы, шинки и т. д.

[1]) Перевозъ назывался Богородичнымъ, ибо принадлежалъ Елецкому монастырю, находился же онъ противъ Онисова и Святого, т. е. приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго Кіевскаго моста.

Магистратъ имѣлъ право сборовъ: мостового, мыта съ купцовъ иногороднихъ, сбора съ торговли питіями, съ ремесленниковъ и «пашни»; но о поступленіи этихъ доходовъ, а равно о способахъ взиманія ихъ,---мы не имѣемъ свѣдѣній. Судебныя же пошлины, по старому порядку, поступали въ пользу судей.

Насколько бережно обращались избранники общества съ доходами мы не знаемъ. Но въ 1697 г. Магистратъ «позывалъ» войск. тов. Ив. Молявку за клевету и оскорбленіе войта, а равно и другихъ урядниковъ, которыхъ тотъ «публично» назвалъ «недобрыми сынами и шавльвѣрами» и упрекалъ за то, что якобы приходы «зъ млиновъ, селъ, парому, вагового, помѣрнаго, рыбное ловли не на общій пожитокъ городскій оборачаютъ, але будто войтъ зъ бурмистрами и райцами тые всѣ приходы на свой приватній расходъ, мимо вѣдомость меншихъ посполитыхъ людей», употребляютъ и дѣлятся, «а поборы яко-бы зъ убогихъ людей на расходъ мѣйскій вибиваютъ». Молявка имѣлъ счеты съ Магистратомъ за «Млинъ Погорѣлый», поэтому въ раздраженіи могъ и лишнее сказать: судъ его призналъ виновнымъ.

Исторія съ занятыми у «катедры» деньгами (1000 р.), которыхъ Магистратъ не могъ отдать цѣлые полвѣка, указываетъ на то, что свободными суммами городская «скринка» не располагала. Отчетъ «урядники магистровіе» сдавали вышеозначенной радѣ, въ которой играли главную роль представители цеховъ. Отчетности передъ другими инстанціями полковой и генеральной канцеляріями не существовало, такъ какъ магистратъ былъ независимъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Далѣе, Магистратъ вѣдалъ дѣла *благочинія и благоустройства.* На немъ лежали общія полицейскія обязанности—пресѣченіе преступленій и безпорядковъ, запрещеніе азартныхъ игръ (въ кости), кулачныхъ боевъ; мѣры безопасности и предосторожности противъ пожаровъ, а также санитарныя мѣропріятія—требованіе объ уборкѣ палыхъ животныхъ и отбросовъ со дворовъ; навозъ предписывалось вывозить на гребли (около Краснаго Моста была Гноевая гребля), а если не было гребли,—то за городъ въ опредѣленное мѣсто; съ улицъ и площадей навозъ должны были забирать ѣдущіе порожнемъ съ торгу. Райца, завѣдующій этой частью, долженъ былъ смотрѣть за чистотой не только во дворахъ, но и передъ дворами. Полицейскія обязанности Магистратъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ полковой канцеляріей, въ лицѣ городничого. Вѣдѣнію Магистрата подлежали и дѣла торговой полиціи; сюда относятся: надзоръ за правильностью мѣръ и и вѣсовъ, установленіе таксъ и, вообще, то, что теперь зовется «попеченіе

объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ»; наконецъ, - судъ по торговымъ дѣламъ. Къ слову сказать, въ Черниговѣ торги бывали по понедѣльникамъ и пятницамъ. Полиція лежала на обязанности, главнымъ образомъ, райцевъ, но уже и тогда были выборные десятскіе, которые, впрочемъ, больше употреблялись для разсыльной службы.

Въ области *благоустройства*: починка мостовъ и гребель къ парому, черезъ Стрижень и на Радичевской греблѣ (противъ Семинарскаго проулка); Магистратъ участвовалъ и въ содержаніи Краснаго моста, поддерживаемаго Магистратомъ и околичными сотнями, по раскладкѣ полковой канцеляріи.

Частые пожары выдвинули на первый планъ заботы о предосторожностяхъ противъ пожаровъ, создана была хорошая *противо-пожарная организація*. Вѣдалъ организаціей Магистратъ, но опирался онъ на цехи. Были введены строгія правила, по современному—обязательныя постановленія— для цеховъ и «подведомственного городу посполитства»; райцѣ, который завѣдывалъ пожарной частью (П. Калужинцу), дана была подробная инструкція, какъ слѣдить за соблюденіемъ правилъ предосторожности. «Въ избахъ и кухняхъ безвременно огня не имѣть, сажу въ трубахъ ежечастно вычищать, имѣть воду въ дежкахъ и бочкахъ, лѣстницы переметніе и подставніе», мочалки на длинныхъ шестахъ (для обмакиванія въ воду); на воротахъ каждаго двора было росписано, кому быть на пожарѣ —съ ведромъ или съ топоромъ. Цехи въ своихъ цеховыхъ дворахъ или на публичныхъ мѣстахъ должны имѣть пожарные обозы и являться съ ними на пожаръ. «Въ кравецкомъ, шевскомъ, рѣзницкомъ и перепечайскомъ цехахъ было, какъ сказано въ описи: «бочекъ съ водою, на крепкихъ роспускахъ, по три, ведеръ кожанихъ по четири, щитовъ по два, круковъ по два, лѣсницъ по двѣ, вилъ по двое; въ ковальскомъ и ткацкомъ:—бочокъ съ водою, на крепкихъ роспускахъ, по двѣ, круковъ по два, вилъ по двое, вѣдеръ кожанихъ по два, по едному щиту и по едной лѣстницѣ; въ шаповаловскомъ и гончарскомъ по едной бочкѣ, по едному круку, по едних вилахъ и по едной лѣсницѣ. Особливо жъ того въ Магистратѣ, для такова-жъ случаю, въ поготовности находится: бочокъ на роспускахъ четири, круковъ два, вилъ двое, лѣсницъ двѣ, четири вѣдра кожаніе и десять деревяннихъ». Не явившіеся на пожаръ «товарищи» (цеховые) подлежали штрафу.

О больницахъ и богадѣльняхъ выше сказано; здѣсь прибавимъ, что въ 1765 г. уже былъ *городовой врачъ* Як. Узнанскій, ему отпускалось 144 р. жалованья и полагалась квартира. Въ числѣ расходовъ значится еще

наемъ сторожа пляцового, исправленіе кандаловъ въ полковомъ секвестрѣ (тюрьмѣ). Содержалъ ли городъ самый секвестръ,—не видно.

Далѣе—*содержаніе квартиры и конюшень* для проѣзжающихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, покупка для нихъ на первый случай провизіи и дровъ. Курьезнѣе всего, что «при отдачи проѣзжимъ генераламъ салютаціи» (привѣтствія и поздравленія) предлагалось «на хлѣбъ и сахаръ». Былъ расходъ и на подношенія «при салютаціяхъ чинимихъ епископу, полковнику и полковой старшинѣ во время праздниковъ Пасхи и Рождества», по старинному обыкновенію, а впрочемъ и по силѣ ордера его сіятельства Румянцева.

Здѣсь имѣется въ виду «ралець»—поздравленіе, подкрѣпляемое приношеніемъ [1]).

Несъ еще Магистратъ расходы на вознагражденіе повѣренныхъ въ генеральномъ судѣ и судебныя издержки.

Части описи о повинностяхъ не сохранились, но изъ «наказа» видно, что больше всего угнеталъ обывателей города *постой* войскъ и притѣсненія отъ приходящихъ полковъ. Черниговскіе обыватели говорятъ, что они «въ дворахъ при одной хатѣ и безъ дворовъ едними избами живутъ, имѣя у себе, кромѣ непремѣнного полку, на всегдашнемъ постою,—горнизонній баталѣонъ зъ штапомъ, артилерійскую и инженерную команды зъ ихъ афицерами и штатомъ и терпять великое утѣсненіе. Всегдашній же таковъ афицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ, весьма есть тяжестній, такъ что кроме того, что всякій таковій хозяинъ не толь что терпитъ утѣсненіе, и за тѣ хаты, гдѣ постой есть, неимѣя ни малѣйшаго въ онихъ жительствомъ участія, платитъ квартальныя деньги, но того множе большъ къ обнищанію приходитъ чрезъ покупку дровъ, числомъ неопредѣленнимъ, для отопленія тѣхъ избъ, въ которыхъ есть постой».

Для склада провіанта и подъ конюшни войска занимали «стодолы» (гумна), такъ что обывателю было негдѣ и хлѣбъ «къ молодьбѣ» сложить и «со своею домашнею экономіею помѣщаться».

Таковъ въ общихъ чертахъ кругъ обязанностей и правъ Черниговскаго стараго Магистрата.

Интересно-бы знать отъ Черниговскихъ горожанъ того времени, какъ они сами смотрѣли на свое гор. общ. управленіе, въ чемъ видѣли его не-

---

[1]) Обычай «ральца» есть нормальное слѣдствіе порядка содержанія служащихъ не на жалованьи, а путемъ натуральнаго довольствованія—«кормовъ, приносовъ вольныхъ»: крестьяне приносили владѣльцу, подчиненные старшимъ.

достатки, какъ понимали причины ихъ и каковы были стремленія и идеалы горожанъ,—въ смыслѣ усовершенствованія организаціи Магистрата, а равно и устраненія причинъ, дурно вліяющихъ на развитіе его.

Отвѣты на эти вопросы отчасти дастъ «наказъ», данный Черниговскимъ гор. обществомъ своему бурмистру Ив. Сем. Крупѣню, который былъ избранъ отъ общества депутатомъ въ Екатерининскую коммиссію, для сочиненія проэкта новаго уложенія въ 1766 г., т. е. въ то время, къ которому относятся и свѣдѣнія о дѣятельности Магистрата.

Хотя Румянцевъ оказывалъ, вообще, давленіе на выборы депутатовъ и въ особенности на составленіе наказовъ, желая устранить выраженіе желаній, не согласныхъ съ видами правительства, съ которыми онъ отождествлялъ свои [1]); однако, Черниговцы, правда, въ скромной формѣ, выразили свои нужды и желанія,—наказъ преисполненъ жалобами на то, отъ чего горожане дѣйствительно страдали.

Прежде всего Черниговцы указываютъ на отчужденіе земель, отведенныхъ городу и отошедшихъ въ «разніе владѣнія»; самыя земли и населеніе ихъ освободилось отъ городскихъ сборовъ и повинностей, упавшихъ всей тяжестью на мѣщанъ.

Горожане просятъ о возстановленіи старой черты города и возвращеніи земель въ городское вѣдомство.

Мѣщанамъ нанесенъ экономическій ударъ запрещеніемъ при гетманѣ Розумовскомъ (1761 г.) винокуренія. Просятъ о возстановленіи свободы винокуренія и шинкованія. Мѣщане бывали порабощаемы высылкою людей для работъ и другихъ порученій на театръ войны и на работы гетмана. Просятъ сохранить ихъ свободу въ этомъ отношеніи. Мѣщане угнетены постоемъ квартирующихъ въ городѣ войскъ и переходящихъ черезъ него, вообще, и въ частности благодаря злоупотребленіямъ командъ. Просятъ о постройкѣ, хотя-бы на мѣстныя суммы, казарменныхъ помѣщеній и, вообще, о переложеніи этой натуральной повинности въ денежную, съ отнесеніемъ денежныхъ сборовъ, но не на одни только городскія средства, а и на земскія. Для разбора жалобъ на войска, учредить коммиссію изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ чиновъ при генералъ губернаторѣ. По этому пункту Черниговцы высказывали идеи самого Румянцева

[1]) Въ Нѣжинѣ дѣло дошло до преданія суду предводителя шляхетства Тернавіота и противодѣйствовавшихъ депутатовъ (см. Мякотинъ: «Къ ист. Нѣж. полка,» 25 -39).

Далѣе горожане ходатайствуютъ о предоставленіи Магистрату права, съ участіемъ подлежащихъ депутатовъ, судить поселяющихся въ городѣ разночинцевъ, которые уклоняются отъ отвѣтственности, «щитясь своими званіями, чинами и командами». Въ связи съ этимъ, стоитъ и ходатайство о подчиненіи Магистратскому суду пріѣзжаго купечества, которое, объявляя себя «банкротами» и уклоняясь отъ платежа по векселямъ, «отбивается отъ суда Магистратскаго».

Причину всѣхъ этихъ бѣдствій и нестроеній Черниговское общество видѣло въ томъ, что «состояніе здешнего города многими правленіями (многовластіемъ) и давнего порядка отмѣнами наполнено» и не соотвѣтствуетъ «правамъ, привиллегіямъ, Высочайшимъ грамотамъ, сему городу отъ почивающихъ въ Бозѣ Е. Имп. В. предковъ пожалованнимъ», отъ чего «всѣ нужды и отягощенія свое начало имѣли и имѣютъ». И для того горожане «всеподданнѣйше просятъ подтвержденія оныхъ Высочайшихъ Магистрату Черниговскому и гражданству жалованнихъ грамотъ и королей польскихъ привиллегій». Перечислены привиллегіи Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра, а также грамоты царей: двѣ Алексѣя Михайловича и 3-я Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Наказы городовъ были очень скромны; они хлопотали только объ устраненіи злоупотребленій и о такихъ неисполнимыхъ вещахъ, какъ напр. возвращеніе земель, отошедшихъ въ частную собственность. Но наказы малороссійскаго шляхетства были смѣлѣе: тѣ ходатайствовали о возстановленіи гетманскаго правленія, ссылаясь на статьи Богдана Хмельницкаго, утвержденныя жалованными грамотами.

Когда малороссійскіе депутаты представили свои ходатайства въ коммиссію, то предсѣдатель ея Бибиковъ объявилъ, что коммиссія въ разбирательство ихъ входить не можетъ, ибо они касаются основъ правленія, и разрѣшеніе ихъ зависитъ отъ Ея Императорскаго Величества.

Депутаты всеподданнѣйше представили особое мнѣніе, въ которомъ развиваютъ начала наказовъ.

Введеніе и дѣйствіе Екатерининскихъ учрежденій 1782—1870.

Коммиссія, по многимъ причинамъ, была закрыта, не сочинивъ уложенія,—однако правительство воспользовалось матеріалами, доставленными депутатами, для общегосударственной реформы, которая была произведена, конечно, на совершенно другихъ началахъ. Екатерина II дала развитіе

основнымъ мыслямъ Петра I; затѣмъ ввела черезчуръ большое раздѣленіе властей, благодаря чему создавалась очень сложная система мѣстныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина II провела въ своихъ учрежденіяхъ строго сословное начало и усилила власть администраціи, лишивъ значенія начало коллегіальности, проводимое Петромъ В. Губернскія учрежденія Екатерины II были санкціонированы въ 1775 г., но введены они въ Малой Россіи нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1782 г., а городовое положеніе въ 1785 г. Причемъ, одновременно съ этимъ, Екатериной была произведена сословная реформа, примѣнительно къ великороссійскому сословному строю, ибо съ одной стороны было стремленіе слить Малую и Великую Россіи, а съ другой—этого требовалъ и строй новыхъ учрежденій, да, наконецъ, на этомъ отчасти были построены и преимущества, даруемыя малороссійскому шляхетству. Екатерина II, желая примирить шляхетство съ нововведеніями, воспретила переходъ посполитыхъ съ той земли, на которой они сидѣли, и тѣмъ окончательно ихъ прикрѣпила за владѣльцами земли.—Объ этомъ очень хлопотало шляхетство. Затѣмъ шляхетство интересовалось великороссійскимъ чинопроизводствомъ; послѣднее было достигнуто распространеніемъ на шляхетство правъ «благороднаго дворянства»; одной изъ важныхъ привиллегій дворянства было владѣніе имѣніями, населенными душами, и свобода отъ тѣлесныхъ наказаній; торговать же считалось безчестьемъ. Дворянству дана сословная организація и широкое участіе въ мѣстномъ управлении и судѣ.

Шляхетство возвысилось, посполитые превратились въ состояніе безправное—«подлое», какъ тогда говорили въ Великой Россіи.

Больше всего потеряло малороссійское *мѣщанство*, которое, живя въ городѣ—«мѣстѣ» и неся нѣкоторыя гражданскія повинности, пользовалось такими же личными правами и самоуправленіемъ, какъ и шляхетство на уѣздѣ. Мѣщанство было классомъ, какъ и старшина, ибо Малая Россія не знала строгихъ сословныхъ перегородокъ; мѣщанство имѣло право владѣть маетностями, могло переходить въ казачество и выходить въ ряды старшины. Румянцевъ, предписывая выборы депутатовъ въ коммиссію, различалъ три класса: шляхетство (высшій); гражданство (средній) и земство-казачество (низшій). Просматривая списокъ «повѣренныхъ» (уполномоченныхъ) для выбора депутата, мы здѣсь среди «гражданства» находимъ: бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей (Григоровича, Грембецкаго, Якимовича, Радича), низшихъ чиновъ казачьей старшины: сотника (Дзвонкевича), вознаго (Стайнскаго), городничаго (Константиновича), обознаго (Сахновскаго), коморника

(Стефановскаго), хорунжаго (Петрашевича), писарей и канцеляристовъ разныхъ учрежденій (Молчановскаго, Марачевскаго, Гранковскаго), гусарскаго подпрапорщика (Соколова), казаковъ. Среди райцевъ встрѣчаются извѣстныя теперь фамиліи: Здоръ, Грибъ, Митаревскій, Глинскій; среди мѣщанъ—Шкура, Ладонка, Римарь, Бичокъ, Малаховъ, Свислоцкій, Коломѣйченко; купцомъ значится—одинъ Гр. Енько. Приходимъ къ заключенію, что отъ гражданства не сторонились чиновники (впослѣдствіи личные дворяне), что гражданство было среднимъ классомъ, но отнюдь не сословіемъ.

Въ Великороссіи-же между посадскими людьми, принадлежащими къ поданному, тяглому классу, и между дворянами было рѣзкое различіе. Петръ В., желая пересадить изъ Европы городскія учрежденія и тѣмъ эмансипировать горожанъ отъ воеводскаго управленія, создалъ въ велико-русскихъ городахъ магистраты, которые были подчинены главному магистрату въ Петербургѣ. Въ магистратѣ засѣдаютъ выборные: —президентъ, бургомистръ и ратманы, въ Петербургскомъ—президентъ назначался Государемъ, члены же выбирались изъ высшаго купечества. Магистрату предоставлялись: судъ, управленіе, полиція, народное образованіе, общественное призрѣніе, финансы. Всякій городской магистратъ, подчиненный Петербургскому магистрату, былъ независимъ отъ мѣстной администраціи. Преемники Петра В. подчинили магистраты администраціи; кромѣ того, учрежденія эти далеко не вездѣ были введены.

Екатерина II поставила горожанъ въ узко-сословныя рамки «средняго рода людей», обязанныхъ заниматься торговлей и ремеслами, но не службой и земледѣліемъ; право пріобрѣтенія земель за городомъ для мѣщанъ было затруднено; на мѣщанахъ лежатъ натуральныя повинности и подати; они подлежатъ тѣлесному наказанію; «граждане» приписаны къ своему сословію и, въ силу происхожденія, должны въ немъ оставаться. Среди мѣщанъ Екатерина II стремилась выдѣлить высшіе классы—именитыхъ гражданъ и купечество, записанное въ гильдіи; послѣднее платило пошлину съ объявленнаго капитала и получало за это право торговли; (въ Малой Россіи, кромѣ ремесла, всѣ профессіи были свободны). Въ виду такихъ соображеній, горожане были раздѣлены на 6 книгъ; въ первую должны быть занесены владѣльцы домовъ и лавокъ, во вторую гильдейскіе купцы, въ третью цеховые, въ четвертую иностранные и иногородніе купцы, въ пятую именитые граждане (впослѣдствіи почетные) и въ шестую посадскіе.

Каждому классу присваивались мелкія преимущества, которыя въ жизни играли такую малую роль, что книги, несмотря на побужденія администраціи,

не были заведены. Выдѣлялись только купцы первыхъ двухъ гильдій, потому что они были свободны отъ тѣлеснаго наказанія и получали преимущества по торговлѣ. Но между горожанами и дворянствомъ легла пропасть; мѣщанство становится низшимъ классомъ, податнымъ городскимъ сословіемъ, отъ котораго сталъ сторониться не только, дворянинъ, но и разночинецъ; оно лишилось притока интеллигентныхъ силъ, попало въ приниженное состояніе, которое усиливалось вслѣдствіе безправнаго положенія его выборныхъ органовъ передъ лицами и мѣстами казеннаго и сословнаго управленія.

Екатерина II не имѣла въ виду такихъ послѣдствій, ибо она стремилась дать гражданству такую-же организацію, какъ и дворянству, стремилась возвысить его въ глазахъ общества и управленія; но данная горожанамъ организація была черезчуръ искусственна, сложна; права мѣщанъ, какъ сословія, были ограничены въ пользу шляхетскихъ преимуществъ, а право городского управленія—въ пользу административныхъ учрежденій. Естественно, что организація оказалась формой безъ содержанія, а сословіе—подавленнымъ.

Гражданство составляетъ общество, которое собирается «по приказанію» или съ дозволенія губернатора, черезъ три года, для производства выборовъ и для выслушиванія его предложеній; въ собраніи гор. общества выбирается городскій голова и депутаты, для веденія обывательскихъ книгъ; 2 бургомистра и 4 ратмана въ магистратъ (судъ), засѣдатели совѣстнаго суда и городовой староста (впослѣдствіи мѣщанскій). Предложенія начальства общество должно было исполнять безъ обжалованія, оно могло дѣлать губернатору представленія о своихъ нуждахъ, чего однако общество никогда не дѣлало,—оно лишь производило выборы. Въ выборахъ участвуютъ и могутъ быть избираемы лица не моложе 25 лѣтъ, обладающіе капиталомъ, процентъ съ котораго не ниже 50 рублей; но въ городахъ, гдѣ капиталы въ гильдіи не внесены, можно выбирать и съ меньшимъ капиталомъ. Такимъ образомъ вносится начало довольно крупнаго по тому времени ценза.

Цехи, подъ именемъ управъ, сохраняются, но они подчинены строгому регламенту; выдвинуто на первый планъ ремесленное ограничительное начало между тѣмъ какъ въ старыхъ цехахъ было и идейное начало. Правда, каждая управа обязуется вносить въ пользу церкви 5 р. ежегодно, какъ повинность. Ремесленныя управы избираютъ ремесленнаго голову, утверждаемаго магистратомъ.

Кромѣ *собранія* гражданъ, город. пол. 1785 года предполагаетъ еще *общую думу*, которая составляется слѣдующимъ порядкомъ: обыватели пер-

вой книги избираютъ по частямъ города гласныхъ, гильдіи также избираютъ по гласному, цехи тоже; затѣмъ именитые граждане выбираютъ на пять человѣкъ одного гласного; иностранные купцы выбираютъ гласныхъ по національностямъ; посадскіе выбираютъ одного гласного. Гласный долженъ явиться у гражданскаго головы. Гласные, по числу 6 обывательскихъ книгъ, составляютъ 6 группъ; каждая группа выбираетъ по гласному; такимъ образомъ, составляется *шестигласная дума*, подъ предсѣдательствомъ градского головы — современная городская управа.

Шестигласная дума засѣдаетъ разъ въ недѣлю, общая—въ установленные сроки (очередныя собранія); шестигласная дума ведетъ всѣ дѣла и только, въ случаѣ «сомнѣнія по важности и трудности дѣла», предлагаетъ его общей городской думѣ.

Въ дѣйствительности общая дума не функціонировала, ибо всякія сомнѣнія разрѣшало губернское правленіе, 6 книгъ не было заведено, такъ что выборы по шести разрядамъ правильно не могли быть производимы, Жаловаться на думу можно было въ магистратъ, но всякій предпочиталъ. конечно, жаловаться губернатору. Въ схемѣ этой организаціи есть сходство со старымъ магистратскимъ строемъ. Шестигласная дума—это таже ратуша, городовой магистратъ (судъ) сохраняетъ свои функціи; порядокъ выбора въ думу по цехамъ и гильдіямъ напоминаетъ выборы войта; гласные—это тѣже райцы. Но въ существѣ дѣла громадная разница. Внѣшнее сходство объясняется тѣмъ, что магистраты Петра В., заимствованные съ запада, были похожи на старинные магистраты по магдебургскому праву; Екатерина II заимствовала отъ Петровскихъ магистратовъ форму, но придала имъ не только другія названія, но и смыслъ.

Обязаности думы изложены въ 167 ст. гор. пол. такъ: городской думѣ предлежатъ попеченія: 1) доставить жителямъ города нужное пособіе къ ихъ прокормленію или содержанію; 2) сохранять городъ отъ ссоръ и тяжебъ съ окрестными городами или селеніями; 3) сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе; 4) возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно, оставляя, однако-жъ, относящіеся къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ; 5) посредствомъ наблюденія доброй вѣры и всякими позволенными способами, поощрять привозъ въ городъ и продажу всего что ко благу и выгодамъ жителей служить можетъ; 6) наблюдать за прочностію публичныхъ городскихъ зданій, стараться о построеніи всего потребнаго, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, амбаровъ, магазейновъ и тому подобнаго, что можетъ быть для города потребно, выгодно и

полезно; 7) стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по приказу общественнаго призрѣнія; 8) разрѣшать сомнѣнія и недоразумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ, въ силу сдѣланныхъ о томъ положеній.

Всѣ прочія дѣла отъ старыхъ магистратовъ отошли въ вѣдѣніе другихъ учрежденій: полиція и пожарная часть—въ вѣдѣніе полиціймейстера (городничаго), просвѣщеніе и общественное призрѣніе—въ приказъ общественнаго призрѣнія, дѣла судебныя переданы въ особое учрежденіе—городовой магистратъ, дѣла опекунскія—въ сиротскій судъ, финансовыя—въ казенную палату, дѣла по управленію и благоустройству перешли въ вѣдѣніе губернской администраціи (губернатора съ губернскимъ правленіемъ).

Что же осталось за шестигласной думой, ставшей на мѣсто магистрата? Осталось то, что теперь называется попеченіемъ объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ и устройство рынковъ,—содержаніе и эксплоатація городскихъ имуществъ, переданныхъ магистратомъ; причемъ завѣдываніе селами съ крѣпостными перешло въ казенную палату; взамѣнъ прежнихъ питейныхъ сборовъ, городу предоставленъ 1% съ виннаго откупа, поступавшій въ казенную палату, которая деньги, вмѣстѣ съ оброкомъ отъ крестьянъ, передавала черезъ казначейство въ городскую кассу. Дума имѣла права употреблять расходы только на слѣдующія нужды: содержаніе городскихъ магистратовъ и городскихъ служащихъ; сверхъ указанныхъ расходовъ, гор. общество не можетъ дѣлать, но «буде усмотритъ, что въ общей пользѣ, выгодѣ и къ украшенію города нужное,—да представитъ губернатору и ожидаетъ позволенія». Изъ свободныхъ городскихъ суммъ предоставлялось завести банкъ. Банка, конечно, не было, но былъ капиталъ, изъ котораго выдавались ссуды за проценты и даже безъ процентовъ бѣднѣйшимъ купцамъ и мѣщанамъ, особенно вдовамъ—въ видѣ пособія. Никакихъ налоговъ дума не имѣла права установлять, но городскому обществу дозволялось составить особливую казну добровольными складками, и употреблять ее по общему ихъ согласію.

Городская приходо-расходная отчетность подвергалась строгому контролю губернскаго правленія и ревизіи казенной палаты, куда представлялись ежемѣсячныя вѣдомости. Казенная палата завѣряла книги думы и ревизовала отчетность.

Единственно уцѣлѣвшимъ учрежденіемъ оказался магистратъ, какъ судебное мѣсто, гдѣ засѣдали 2 бургомистра и 4 ратмана—прежніе райцы; причемъ одному бургомистру и 2 ратманамъ, по очереди, дозволялось быть

въ отлучкѣ. При магистратѣ состоялъ сиротскій судъ для опекунскихъ дѣлъ,—купеческихъ и мѣщанскихъ, гдѣ засѣдалъ голова и два члена магистрата.

Въ виду того, что до Императора Николая Павловича не было издано свода рос. законовъ, въ магистратѣ руководились старыми законами—Литовскимъ статутомъ. Но магистратъ, какъ и всѣ судебныя дореформенныя мѣста, былъ подчиненъ строгому контролю администраціи, - вѣдѣнію думы онъ не подлежалъ, скорѣе обратно. Гласность и живое участіе публики, имѣвшія мѣсто въ старомъ магистратскомъ судѣ, не были допустимы. Канцелярскій порядокъ и соединенныя съ нимъ традиціи поглощали все.

Шестигласная дума, какъ органъ городского управленія, хотя и была коллегіальнымъ учрежденіемъ, но на дѣлѣ засѣданій не бывало. Гласные изъ торговыхъ людей, занятые своими дѣлами, смотрѣли на общественную службу, какъ на повинность,—они изрѣдка показывались въ думу, чтобы подписать журналы, заготовляемые канцелярскимъ порядкомъ, подъ руководствомъ секретаря. Секретарь назначался и увольнялся губернскимъ правленіемъ, поэтому и зависѣлъ всецѣло отъ губернскаго начальства. Обыкновенно онъ съ головой и вершилъ всѣ дѣла, въ согласіи съ распоряженіями начальства. Кромѣ увольненія, секретарь могъ быть подвергаемъ всякому дисциплинарному взысканію, напр. быть посаженнымъ подъ домашній арестъ или на гауптвахтѣ.

Журналы думы подлежали утвержденію уѣзднаго стряпчаго (прокурора); дѣлопроизводство—его надзору, а также ревизіи губернскаго правленія черезъ чиновника особыхъ порученій.

Городской голова, не всегда свѣдущій въ юридическихъ дѣлахъ купецъ, обыкновенно подписывалъ журналы, слѣдуя за секретаремъ, собственно, чиновникомъ губернскаго правленія.

Городской голова, при помощи гласныхъ, велъ наружное хозяйство; сельское, базарное и содержаніе городскихъ домовъ, наемъ квартиръ, поставку матеріаловъ для разныхъ мѣстъ и лицъ, выполнялъ и другія порученія начальства вплоть до принятія мѣръ къ подвозу льда и соломы для губернаторскаго дома.

Дума получала отъ губернатора предписанія, отъ губернскаго правленія указы, сама доносила и рапортовала. Было дѣло секретныхъ предписаній и указовъ, составлялись и секретные журналы.

Въ старину, какъ мы видѣли, въ Черниговѣ было 3 правящихъ мѣста: полковая и сотенная канцелярія, ратуша и судебныя учрежденія; они и

вѣдали всѣ мѣстныя дѣла, правили городомъ и Черниговскимъ полкомъ, вверху надъ ними была генеральная канцелярія въ Глуховѣ, съ гетманомъ, а впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ.

Екатерина II создала сложную надстройку учрежденій. Малая Россія была раздѣлена на три намѣстничества: Новгородсѣверское, Черниговское и Кіевское. Правитъ губерніей губернаторъ, при немъ губернское правленіе. У него въ непосредственномъ подчиненіи казенная палата, казначейство и приказъ обществ. призрѣнія. Далѣе, прокуроръ, стряпчіе и рядъ судовъ: гражданская и уголовная палаты, особые суды для привилегированныхъ, особые для горожанъ и отдѣльные для крестьянъ, новыя опекунскія и земскія, полицейскія учрежденія, врачи, землемѣры и т. д. Въ Черниговѣ сразу учреждалось 45 мѣстъ и самостоятельныхъ должностныхъ лицъ, съ массой вакансій въ канцеляріяхъ.

Все грамотное населеніе, въ особенности служившее въ старыхъ учрежденіяхъ, устремляется въ новыя канцеляріи. Молодые дворяне должны были быть поощряемы губернаторами къ поступленію въ канцеляріи, что вмѣнялось губернаторамъ въ обязанность; съ этого времени и ведетъ начало обычай зачисляться въ учрежденія для выслуги чина.

Если съ одной стороны присутствіе въ городѣ учрежденій привлекало средства и способствовало развитію квартирнаго промысла и мелкой торговли, то съ другой стороны устройство зданій для учрежденій и содержаніе ихъ легло бременемъ и на казенныя, и на мѣстныя средства. Скудость окладовъ должна была возмѣщаться натурою и косвенными полученіями. Напр. бургомистръ городового магистрата получалъ 120 р. въ годъ, а ратманъ 100 р. Все, что не было отпущено изъ казны, относилось на мѣстныя средства силою закона или власти. На города, которые были ближе къ этимъ всѣмъ учрежденіямъ, богаче средствами, — расходы пали всей тяжестью, ибо въ селахъ парилъ дворянинъ-помѣщикъ, который, въ силу своего привилегированнаго положенія и личной заинтересованности, охранялъ крестьянъ отъ всякихъ сборовъ и повинностей; мѣщане-же не имѣли защиты. Какой собственно жалкой и безправной должна была выглядѣть шестигласная дума, подчиненная всѣмъ этимъ многочисленнымъ мѣстамъ и лицамъ, лишенная средствъ и силъ, которыя отхлынули въ другія учрежденія.

Съ этого времени въ Черниговѣ и сталъ преобладать чиновничій элементъ надъ другими классами: мѣщанство обращается къ занятіямъ, направ-

леннымъ на удовлетвореніе потребностей чиновничьяго класса. Въ обществѣ сказался упадокъ самодѣятельности.

Императоръ Павелъ I, не раздѣлявшій взглядовъ Екатерины II и, въ силу особыхъ причинъ, настроенный противъ ея мѣропріятій, отмѣнилъ многое. Изъ намѣстничества Малой Россіи онъ образовалъ Малороссійскую губернію (1797 г.); отчасти были возстановлены старыя малорусскія судебныя учрежденія; между прочимъ, уничтожены губернскіе магистраты, верхнія расправы. Но преемникъ его, Александръ I Благословенный, раздѣлилъ Малороссійскую губернію на нѣсколько отдѣльныхъ губерній; тогда (1802 г.) была образована и Черниговская губернія въ настоящемъ ея составѣ; учрежденія Екатерины I возстановлены, хотя губ. магистраты и расправы упразднены.

При Александрѣ I-мъ учреждены министерства. Съ того времени губернскій строй въ общихъ чертахъ просуществовалъ почти безъ измѣненій до реформъ Александра II.

Первая половина царствованія Александра Благословеннаго отличалась большимъ оживленіемъ въ правительственной дѣятельности и въ общественной. Былъ даже проектъ Сперанскаго реорганизовать весь строй управленія на общественныхъ началахъ, что однако осуществилось лишь при Александрѣ II.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX шло переустройство стараго Чернигова на новый современный.

Переустройство связано съ упраздненіемъ въ Черниговѣ крѣпости въ 1799 г.; послѣ раздѣловъ Польши къ Россіи были присоединены области правобережной Украины и Бѣлоруссіи, поэтому Черниговъ пересталъ быть пограничнымъ городомъ и крѣпость утратила значеніе. Крѣпостные валы были раскопаны при губ. Куракинѣ и на нихъ разбиты бульвары вдоль Преображенской и Смоленской ул. (1805 г.). Внѣшній врагъ не угрожалъ, поэтому не было необходимости присутственныя мѣста и другія установленія держать въ крѣпости, населеніе также стало свободно разселяться; но и Чернигову былъ составленъ новый планъ (1801 г.) съ прямыми и широкими улицами, который осуществлялся при новыхъ постройкахъ принудительнымъ путемъ: за участки, отошедшіе подъ улицу, Дума отводила или другіе участки или сплачивала. Рынокъ былъ перенесенъ къ Пятницкой церкви и занялъ усадьбу упраздненнаго Пятницкаго монастыря; для Думы выстроено нынѣшнее зданіе (безъ второго этажа) на землѣ, отчужденной 1799 г. у купца Вл. Леонтьева. Для губернатора устроенъ новый домъ, (нынѣ старый)

на Смоленской улицѣ, 1804 г. въ крѣпости зданія старыхъ присутственныхъ мѣстъ, церквей и даже частныхъ обывателей постепенно сломаны и выстроены дома гимназіи съ коллонадой и архіерейскій домъ (нынѣ Губ. Правленіе); въ это же время выстроено городомъ зданіе тюрьмы на землѣ, пріобрѣтенной у Елецкаго монастыря за 100 р. и на средства, занятыя въ приказѣ общ. призрѣнія и въ казнѣ (16546 р.). Кладбище, бывшее возлѣ Воздвиженской церкви, въ концѣ XVIII в. расположено было возлѣ нынѣшней Воскресенской церкви; затѣмъ по плану 1801 г. перенесено на поле, гдѣ и теперь находится возлѣ Петро-Павловской церкви. Изъ бывшаго выгона образована Александровская ярмарочная площадь, куда перенесены «мѣрни»; за площадью приказъ общ. призрѣнія, новое екатерининское учрежденіе, возводитъ зданія богоугодныхъ заведеній.

Въ зданіяхъ упраздненнаго Пятницкаго монастыря 1789 г. учреждается главная народная школа, преобразованная въ 1805 г. въ м. гимназію; по преобразованіи гимназія перешла въ строившійся тогда губ. дома (нынѣ старый), для нея же начата перестройка дома (1804 г.); для такъ называемаго малаго училища, открытаго 1789 г. устроено зданіе въ усадьбѣ, гдѣ теперь Дѣтскій пріютъ, училище это 1834 г. преобразовано въ уѣздное. Зданіе Ильинскаго монастыря Екатериной II предназначалось для Черниговскаго университета.

Въ царствованіе Николая I въ 1842 г. открытъ Дѣтскій Пріютъ, на средства его, при щедрыхъ пожертвованіяхъ дворянства, устроенъ въ 1852 г. театръ, обращенный теперь въ лѣтній: до устройства театра представленія устраивались въ какой то гор. хлѣбной шопѣ на рынкѣ.

Царствованіе Импер. Николая Павловича отличалось инымъ характеромъ; замѣчается вновь дифференціація органовъ казеннаго управленія. Тѣ немногія порученія, которыя давались губернскими правленіями думамъ или собственно городскому головѣ, переходятъ въ вѣдомство особыхъ органовъ губернскаго управленія—коммиссіи. Такъ, по дѣламъ расквартированія войскъ дѣйствуетъ квартирная коммиссія, по дѣламъ о постройкѣ и содержанію городскихъ зданій и сооруженій, для надзора за частными постройками — строительная; по дѣламъ о народномъ продовольствіи и для собранія справочныхъ цѣнъ---коммиссія народнаго продовольствія, по дѣламъ путей сообщенія---дорожная, по дѣламъ воинской повинности---рекрутское присутствіе и т. д.

Дума, по предписанію этихъ учрежденій, передавала требуемыя ими суммы на постройки, мосты, дороги и т. д.; равнымъ образомъ, и содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ коммиссій было отнесено на городскія средства.

Беремъ смѣту 1869 г. и находимъ, что въ кругъ обязательныхъ расходовъ думы входило содержаніе: губернаторской квартиры (домъ принадлежалъ городу), помѣщенія и канцеляріи квартирной коммиссіи, участіе въ раскладкѣ по содержанію уѣзд. суда (вмѣсто бывшаго магистрата), канцеляріи у. стряпчаго, полное содержаніе полицейскихъ чиновъ и служителей (послѣднихъ было 30 чел.) и полицейскихъ помѣщеній, пожарной команды; отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ тюремнаго замка и содержаніе его смотрителя и надзирателей, городового врача, лѣкарскаго ученика, воинскій постой, постройка шинелей для караульныхъ постовъ, «отопленіе и освѣщеніе капеллана мѣстныхъ войскъ», содержаніе помѣщенія для чиновъ губернскаго батальона, батальонной канцеляріи и другихъ заведеній, освѣщеніе квартиръ штабъ и оберъ-офицеровъ, состоящихъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, и смотрителя провіантскаго магазина, пенсіи чиновникамъ магистрата и думы, служившимъ, очевидно, по назначенію губ. начальства.

Надо имѣть въ виду, что кромѣ расходовъ думы на воинскій постой, которая предоставляла въ распоряженіе войска и жандармовъ всѣ свои помѣщенія, переходящія войска получали квартиры у обывателей; квартиры предоставлялись и всякимъ проѣзжимъ чинамъ, напр. корпусу инженеровъ путей сообщенія во время постройки шоссе; обыватели несли особый квартирный сборъ на наемъ и постройку помѣщеній для различныхъ воинскихъ заведеній. Въ предшествовавшія времена на городѣ еще лежала обязанность давать помѣщеніе для рекрутскаго присутствія, пробирной палатки, губернской чертежной.

Сказаннымъ, однако, далеко не исчерпывается еще этотъ утомительный перечень повинностей. На городѣ лежала подводная повинность для командъ и этаповъ, выполняемая мѣщанами, которыхъ наряжалъ городской староста, а впослѣдствіи подводный староста (67 г.).

Городской староста соотвѣтствовалъ нынѣшнему мѣщанскому старостѣ; кромѣ указанныхъ функцій, онъ взыскивалъ съ мѣщанъ казенныя подати; выбирали его на общихъ городскихъ выборахъ; состоялъ староста въ распоряженіи градскаго головы; помѣщался со своимъ писаремъ въ передней думы; вслѣдствіе этой старинной связи градскаго старосты съ думой, мѣщанская управа помѣщалась въ городской—до 1880, а затѣмъ до 1896 г. получала квартирныя въ размѣрѣ 240 р. отъ гор. общ. управленія.

Въ области благоустройства, городъ несъ расходы на освѣщеніе, поддержаніе въ порядкѣ городского сада, на очистку площадей (100 р.), на содержаніе мостовъ и на наемъ истребителя собакъ. Въ области обществен-

наго призрѣнія, городъ давалъ средства на содержаніе богадѣльни и при ней женской больницы (1847 г.), на содержаніе женскаго приходского училища (1852 г.); оно было устроено на средства города директоромъ гимназіи, вѣдавшимъ тогда дѣла народнаго образованія; ему же передавались и суммы на содержаніе женскаго училища.

Источниками доходности для удовлетворенія сложныхъ повинностей служили: 1) доходы съ городскихъ имуществъ и сооруженій, 2) разновременно предоставленные въ пользу города сборы и пошлины.

Къ первымъ относятся: оброкъ съ крестьянъ въ бывшихъ магистратскихъ селахъ, эксплоатація путемъ сдачи въ аренду—«на откупъ», какъ тогда говорили, городскихъ сѣнокосовъ, пахати, озеръ, городскихъ лавокъ, парома, кирпичкаго завода, мѣръ и вѣсовъ.

Ко вторымъ относятся: пошлины съ торговли и промысла; сборъ съ извощиковъ—«биржи», трактировъ «средній акцизъ», у нотаріусовъ, за клеймение мѣръ и вѣсовъ; процентъ въ виннаго откупа, предоставленный отъ казны, а затѣмъ—съ уничтоженіемъ откупа,—пособіе отъ казны, взамѣнъ процентнаго отчисленія.

Никакихъ другихъ налоговъ и сборовъ городъ въ свою пользу не взималъ, ибо ихъ взимала казна—подать съ мѣщанъ и квартирный сборъ, развѣрстываемый по оцѣнкѣ имуществъ; послѣдній сборъ шелъ на удовлетвореніе квартирной (воинской) повинности; по гор. пол. 1870 г. квартирный сборъ сталъ называться оцѣночнымъ. Подать въ 1863 г. замѣнена налогомъ съ недвижимыхъ имуществъ. Горожанамъ и безъ того было трудно нести всякія повинности; поэтому установлять въ пользу своей кассы еще сборы—«добровольныя складки» по гор. пол. 1785 г.—было и тяжело, и неинтересно: больше доходовъ, больше и расходовъ по распоряженію другихъ вѣдомствъ; размѣръ городскихъ доходовъ былъ до нѣкоторой степени регулирующимъ началомъ. Общій бюджетъ шестигласной думы на 1869 г. составлялъ 27466 р., но доходовъ исчислено всего 14178 р.; дефицитъ въ 13287 р. покрытъ перечисленіемъ—7716 р. изъ остаточнаго капитала, который числился въ размѣрѣ 15785 р., и внесеніемъ въ смѣту доходовъ недоимки въ суммѣ 5570 р. Въ настоящее время бюджетъ нашъ превысилъ 300000 руб..

Кромѣ хозяйственныхъ дѣлъ, вѣдѣнію шестигласной думы подлежали и нѣкоторыя другія дѣла: сословныя—мѣщанъ, ремесленниковъ и купцовъ, евреевъ; составленіе таксъ на мясо по ходатайствамъ мясницкой управы (цеха), надзоръ за рынкомъ—вывѣшиваніе флага для означенія времени, съ котораго разрѣшалась перекупнямъ скупка предметовъ первой необходимости. Городское общество выбирало торговыхъ депутатовъ въ помощь

казенной палатѣ, для надзора за торговцами, въ видахъ уплаты ими торговыхъ пошлинъ. Были при думѣ и присяжные оцѣнщики.

Вообще представительство гор. общества, въ лицѣ его депутатовъ и засѣдателей, практиковалось широко и въ дореформенныя времена, напр. такіе депутаты состояли и при квартирной коммиссіи (распорядительномъ комитетѣ, по современному), были депутаты и при полицейскомъ управленіи; но на это представительство общество смотрѣло, какъ на повинность а казна---какъ на свѣдущихъ лицъ, коихъ она приглашала для выполненія ея порученій: депутаты состояли въ полномъ подчиненіи органовъ администраціи и фиска; естественно, что это представительство было и не интересно, и не важно въ смыслѣ охраны пользъ и нуждъ горожанъ.

По поводу еврейскихъ дѣлъ, отмѣтимъ, что свѣдѣнія о нихъ встрѣчаются съ 40 годовъ. Дума вѣдала ими почти въ такой формѣ, какъ и теперь, съ единственною разницею, что кромѣ коробочнаго и свѣчного сборовъ, существовалъ еще сборъ за право ношенія евреями національной одежды (1847 г.) Евреи, наравнѣ съ мѣщанами, несли подати и повинности, но они зато и пользовались равными правами участія въ городскихъ выборахъ; состояли гласными думы.

Вотъ въ общихъ чертахъ кругъ дѣятельности и обязанностей шестигласной думы, представлявшей съ 1785 г. по 1870 г. гор. управленіе: о правахъ ея не говоримъ. Все уходило на выполненіе казенныхъ повинностей—денежныхъ и натуральныхъ, на исполненіе распоряженій начальства

Само собою разумѣется, что шестигласной думѣ нельзя приписать и заслугъ по благоустройству и украшенію города, равно какъ нельзя ее и винить въ несовершенствѣ дореформеннаго городского распорядка. Все было въ рукахъ администраціи.

Черниговъ, поднявшись въ царствованіе Александра Благословеннаго, въ послѣдующее царствованіе входитъ въ норму. Въ 1850 г. въ Черниговѣ числилось всего 6494 души обоего пола; какъ выше означено, въ концѣ прошлаго вѣка въ городѣ было около 4000 чел,; нѣсколько позднѣе (1858 года) въ нашемъ городѣ было всего 884 двора, а въ концѣ XVIII в. значительно больше 627. Приходимъ къ заключенію, что въ дореформенныя времена приростъ неселенія былъ слабый, современники (историкъ Маркевичъ) объяснили это явленіе убылью населенія во время эпидеміи—холеры (1848 г.). Ростъ Чернигова надо отнести на времена, послѣдовавшія послѣ реформъ Александра II. Въ 1897 г. статистикъ А. А. Русовъ считалъ въ Черниговѣ 2001 дворовъ и 29674 ч. населенія.

Никакихъ внѣшнихъ событій, давшихъ толчекъ особому притоку населенія въ Черниговъ, не произошло; слѣдовательно, какъ слабый приростъ населенія въ прежнее время, такъ и относительное его возрастаніе въ пореформенныя времена придется отнести на внутреннія причины.

Періодъ пореформенный.

Въ дореформенное время Черниговъ слабо развивался; ростъ его усилился послѣ реформъ Александра II, благодаря которымъ оживилась самодѣятельность населенія, явились частно-общественныя организаціи, вновь организованныя земскія и въ корень преобразованныя городскія учрежденія причемъ въ этомъ періодѣ не замѣтно развитія промышленности или торговли; послѣдняя даже падаетъ, благодаря упадку помѣщичьяго землевладѣнія; факторами, вліявшими на притокъ населенія, по прежнему остаются: наличность въ городѣ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, кредитныхъ установленій, учебныхъ заведеній и отчасти дислокація войсковыхъ частей; извѣстный толчокъ развитію города дали установившееся по Деснѣ пароходство, устройство желѣзной дороги--Черниговъ-Круты и въ особенности открытіе мощей св. Ѳеодосія Углицкаго, котораго населеніе считаетъ патрономъ Чернигова.

Въ это время идетъ дальнѣйшее разселеніе города: на проданныхъ городомъ земляхъ образуются поселенія въ Ярахъ, Землянкахъ, на Александровской площади, на арендуемой отъ города землѣ-поселенія на Московской слободкѣ, подъ Валомъ, на Задриповкѣ и въ самые послѣдніе годы идетъ заселеніе (нач. XX в.) частныхъ земель: Дудукало и Мехеда по горѣ въ Троицу и Мушинской и Добронизскихъ за Богоугодными заведеніями, что вызвало необходимость составленія новаго плана на г. Черниговъ.

Въ этотъ періодъ населеніе и его представители особенно заботятся о развитіи средствъ народнаго образованія. Такъ какъ мужскія учебныя заведенія (гимназія, семинарія, уѣздное училище) были, то усилія общества и правящихъ лицъ были направлены прежде всего на открытіе женскихъ учебныхъ заведеній: въ 1865 г. открыта женская гимназія усиліями представителей дворянства, земства, города и губернатора Голицына, деревянный домъ для нея выстроенъ въ 1867 г., каменный въ 76 г. и нынѣшній каменный 90 г., при значительномъ пожертвованіи покойнаго князя Н. Д. Долгорукова.

Усиліями преосвященнаго Филарета открыто женское епархіальное училище, которое размѣстилось въ старыхъ дворянскихъ зданіяхъ; новое зданіе устроено въ концѣ XIX в.

Преобразованнымъ Гор. Общ. Управленіемъ было получено приходское начальное училище, для котораго городъ устроилъ зданіе въ концѣ бульвара, почему оно и называется бульварнымъ; въ 1878 г. открыто женское бульварное училище (женское приходское училище, существовавшее въ дореформенныя времена было закрыто въ 1868 г. по недостатку учащихся); въ 1888 г. открыто Александровское ремесленное училище, причемъ для этой цѣли использованъ пожертвованный А. П. Цвѣтомъ капиталъ; въ 1899 г. для него устроено новое каменное зданіе. Въ 1893 г. въ память 900-лѣтія крещенія Руси открыто смѣшанное Владимірское училище; въ память исполнившагося тридцати-лѣтія со времени введенія въ дѣйствіе городового Положенія 1870 г. открыто въ 1903 г. женское профессіональное училище; въ память Н. В. Гоголя открыто 4 и 5-е женскія училища; всѣ училища обезпечаны зданіями; въ этомъ году открывается 6-е начальное училище. Въ 1903 г. городомъ при участіи купечества и уѣзд. земства открыта и устроена Торговая школа. Въ 1902 г. по ходатайству Думы, поддержанному губ. земствомъ и дворянствомъ, открыто Реальное училище на средства, собранныя думой (пожертвованіе И. Як. Дунинъ Борковскаго), при пособіи отъ земства и дворянства Думой устроено и зданіе для Реальнаго училища. По ходатайству Думы открыта частная женская гимназія Кузнецовой.

Въ 1906 г. дирекція народныхъ училищъ открыла женское двухклассное училище при матеріальномъ участіи города (2000 р. на постройку и и 200 рублей ежегодно на содержаніе); въ 1907 г. открыто четырехклассное министерское училище; въ томъ же прошломъ году открыто частное смѣшанное средне-учебное заведеніе г-жи Заостровской. Кромѣ того къ пореформенному періоду относится открытіе церковно-приходскихъ школъ, которымъ Дума нѣкоторое время оказывала субсидіи, еврейскихъ профессіональныхъ училищъ, которыя также получаютъ отъ думы субсидіи, училища слѣпыхъ, школы глухонѣмыхъ, содержимыхъ особыми попечительствами, школы бѣдныхъ, содержимой благотворительнымъ обществомъ; она помѣщается въ Народномъ Домѣ, устроенномъ Е. К. Андреевскимъ на средства Попечительства о народной трезвости.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ возникаетъ общ. библіотека съ читальней при ней, субсидируемая Думой. Въ 1896 г. бывшимъ губернаторомъ Е. К. Андреевскимъ организована Архивная коммиссія съ музеемъ, обезпеченная гор. помѣщеніемъ, другую половину помѣщенія занимаетъ общественная библіотека. Около 1900 г. учрежденъ земскій музей украин-

скихъ древностей имени В. В. Тарновскаго, пожертвовавшаго музей земству. Кромѣ того научный интересъ представляютъ архивы: окружнаго суда, гдѣ дѣла съ XVII в. бывшихъ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, Архивъ Казенной Палаты, гдѣ есть документы, полученные отъ монастырей при секуляризаціи монастырскихъ владѣній, Архивъ Губ. Правленія дѣла со временъ намѣстничества, Архивъ Думы, гдѣ также есть папка документовъ съ пол. XVII в. и дѣла съ конца XVIII в., Архивъ Консисторіи.

Въ области медицины первая роль принадлежитъ Губ. Земству, содержащему Губ. больницу со многими отдѣленіями, городъ же съ своей стороны содержитъ амбулаторную лѣчебницу.

Въ концѣ XIX в. бывшимъ губернаторомъ Е. К. Андреевскимъ открыта Община сестеръ милосердія и при ней больница имени Александра III.

Затѣмъ, на городѣ лежитъ санитарная часть: содержится санитарный врачъ съ фельдшерами.

Въ области благотворенія до введенія гор. полож. 1870 г. дѣйствовало благотворительное общество, подъ покровительствомъ губернатора; въ 1876 г. ему городомъ предоставлено мѣсто для постройки дома для бѣдныхъ противъ костела; оно же содержало и содержитъ богадѣльню для призрѣнія старухъ, получая пособіе отъ Думы; другую богадѣльню содержитъ еврейское общество.

Дѣтскому Пріюту Дума уступила роскошную усадьбу, гдѣ онъ помѣщается и нынѣ и гдѣ раньше помѣщалось уѣздное училище; оно преобразовано 1877 г. въ трехъ-классное; причемъ Дума, по требованію Мин. Нар. Просвѣщенія, отвела ему усадьбу противъ театральнаго сквера.

Дума въ 1895 г. устроила ночлежный пріютъ на 60 человѣкъ обоего пола, основанный въ память чудеснаго спасенія царской семьи 17 октября 1888 г.; въ 1896 г. открыта гор. богадѣльня на 15 человѣкъ обоего пола въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 ноября 1894 г. Въ 1901 г. Думой учреждено 11 участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ, субсидируемыхъ ею изъ городскихъ банковскихъ и спеціальныхъ средствъ; Попечительства IV и X участка устроили и содержатъ пріюты-(ясли) для дѣтей.

Кромѣ того возникли: еврейскій благотворительный комитетъ, общества вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ при среднихъ и начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, профессіональныя организаціи: фельдшеровъ, учителей, прикащиковъ, ремесленниковъ.

Благоустройство, какъ не далеко оно отъ совершенства, развилось въ значительной степени послѣ 1870 г. Зачатки освѣщенія относятся къ

концу XVIII в., больше, впрочемъ, средства тратились на иллюминацію въ торжественныхъ случаяхъ: въ 1833 г. заготовлено 10000 плошекъ; въ 1845 г. было 97 уличныхъ фонарей; въ 1871 г. на освѣщеніе тратилось 1323 р.; ко времени введенія электрическаго освѣщенія ассигновка возросла въ 1894 г. до 2589 руб.; съ 1895 г. вводится уличное электрическое освѣщеніе. Нынѣ тратится на керосиновое освѣщеніе 3600 р. (570 фонарей) и на электрическое—3920 руб., 46 фонарей, причемъ на выкупъ и переустройство электрической станціи разновременно затрачено до 150 т. р.

Мощеніе началось лишь въ бытность Городскимъ Головой В. М. Хижнякова (1879 г.) съ Богоявленской, Пятницкой улицъ и Красной базарной площади; одновременно возложена на домовладѣльцевъ обязанность мостить тротуары возлѣ мостовыхъ; до настоящаго времени замощена лишь центральная и историческая часть города, по окраинамъ же только главнѣйшія пути; медленность мощенія объясняется отсутствіемъ камня въ ближайшихъ мѣстностяхъ и дороговизною его доставки; камень доставлялся: худшія породы изъ Новгородъ-Сѣверска, лучшія породы изъ Фастова и Кременчуга.

Шафонскій (1785 г.) говоритъ, что «сады и огороды у всякаго жителя имѣются и г. Черниговъ садовыми плодами славенъ»; въ пятидесятыхъ годахъ хорошіе сады были у монастырей и нѣкоторыхъ знатныхъ обывателей: князя Прозоровскаго, (теперь Яроцкаго), Староженки, графа Милорадовича; по переписи 1898 г. въ Черниговѣ 68% усадьбъ съ садами и огородами. Начало бульварамъ положено губернаторомъ Куракинымъ (1804 г.). Городской садъ полученъ отъ Троицкаго монастыря въ обмѣнъ на городскіе луга въ Гармашнѣ.

Въ 1884 г., по иниціативѣ бывшаго губернатора Анастасіева, устроенъ скверъ на гимназической площади; на этомъ скверѣ въ память столѣтія со дня рожденія поэта Пушкина городомъ, при помощи бывшаго губернатора Е. К. Андреевскаго, поставленъ въ 1900 г. бюстъ Пушкина. Въ 1888 г. Валъ былъ сданъ Думой въ аренду Вондраку съ обязательствомъ насадить паркъ, но насажденія шли плохо и мѣсто было не благоустроено, поэтому въ 1899 г. Дума вынуждена была выкупить у Вондрака зданіе ресторана; площадь насажденій была расширена и устроенъ лѣтній театръ; старыя пушки поставлены на лафеты.

1895 г по иниціативѣ Е. К. Андреевскаго устроенъ скверъ противъ Екатерининской церкви, имъ же сооружены и памятники Императорамъ Александру II и Александру III.

Въ 1899 г. городомъ устроенъ для учащихся праздникъ древонасажде-

нія и засаженъ Дѣтскій бульваръ на Александровской площади, въ 1900 г. такимъ же порядкомъ засаженъ паркъ на бывшемъ кладбищѣ въ Березкахъ. Въ 1899 г. и послѣдующіе годы, по иниціативѣ бывшаго городского головы Н. Д. Рудина, упорядоченъ и разбитъ вокругъ театра скверъ. Въ началѣ девятыхъ годовъ огороды возлѣ Краснаго моста обращены подъ древонасажденіе, а равно старые бульвары возлѣ Собора расширены.

Въ области древонасажденія и вообще внѣшняго благоустройства много потрудился членъ управы В. В. Нерода.

Кромѣ внѣшняго благоустройства Думой многое сдѣлано въ области муниципализаціи предпріятій для усугубленія благоустройства и ради пользы населенія.

Прежде всего обращено вниманіе на водоснабженіе: въ 1875 г. организованъ водовозный обозъ для доставки обывателямъ воды на домъ, на пожарахъ обозъ подвозитъ воду въ помощь пожарной командѣ.

Съ 1872 г. разрабатывается вопросъ объ устройствѣ водопровода, дѣло тормозилось отсутствіемъ средствъ и вмѣшательствомъ концессіонера, потомъ отказавшагося, и только съ 1880 г. началась постройка водопроводовъ при городскомъ головѣ В. М. Хижняковѣ, окончившаяся въ 1883 г. Въ 1892 г. при городскомъ головѣ М. Р. Фрицманѣ вырыты Вангелемъ 5 новыхъ буровыхъ скважинъ, дающихъ хорошую воду, въ 1898 г. и послѣдующихъ годахъ, при городскомъ головѣ Н. Д. Рудинѣ, расширена сѣть водопровода, устроена водонапорная башня и вырыты Германомъ новыя скважины, въ 1907 г. заложены вновь 3 добавочныхъ скважины. Черниговская вода, добываемая изъ глубины 140 футовъ, по отзывамъ проф. Вериго и др. спеціалистовъ, лучшаго качества; благодаря хорошей питьевой водѣ, приближенной къ населенію, вслѣдствіе развѣтвленія водопроводной сѣти, наличности водоразборовъ и водовозной команды, Черниговъ не страдалъ отъ холеры и другихъ эпидемическихъ заболѣваній въ родѣ тифа; наличность пожарныхъ крановъ облегчаетъ борьбу съ пожарами. Стоимость водопроводныхъ сооруженій далеко свыше 200000 р.

Для борьбы съ пожарами, кромѣ полицейской пожарной команды, штаты которой утверждены въ 1841 г., впрочемъ, переданной въ 1906 году въ вѣдѣніе города, по иниціативѣ Думы организовано вольное пожарное общество, которое съ 1893 года содержитъ вторую пожарную команду. Вольная пожарная дружина организована и поддерживается въ блестящемъ порядкѣ начальникомъ ея Г. Як. Селюкомъ.

Вольная пожарная дружина получаетъ матеріальную поддержку отъ Общества взаимнаго отъ огня страхованія, открытаго съ 1885 г. также по

иниціативѣ Думы; общество выдачей страхователямъ ссудъ желѣзомъ, кирпичемъ, на устройство водопроводовъ, электрическаго освѣщенія много содѣйствовало улучшенію построекъ въ городѣ и развитію противопожарныхъ мѣръ.

Въ этихъ цѣляхъ Городское Общественное Управленіе на ссуду отъ Общества взаимнаго страх. устроило въ 1900 г. городской кирпичный заводъ съ усовершенствованной печью, благодаря чему удешевился кирпичъ и улучшилось его качество; въ послѣдніе годы Городское Общественное Управленіе начало дѣлать опыты устройства кирпичныхъ мостовыхъ въ виду дороговизны камня.

Электрическое освѣщеніе въ Черниговѣ возникло въ 1895 г. на арендныхъ началахъ, но въ 1900 г. городъ выкупилъ предпріятіе у Зюкова и заново переустроилъ станцію, расширивъ сѣть проводовъ; кромѣ освѣщенія улицъ и площадей свѣтъ отпускается для освѣщенія домовъ.

Развитіе огнемъ дѣйствующихъ предпріятій и возростающій спросъ на дрова повели къ повышенію въ Черниговѣ цѣнъ на дровяное топливо, что побудило Городское Общественное Управленіе съ 1900 г. устроить городской дровяной складъ и въ видахъ пониженія цѣнъ продавать дрова обывателямъ по заготовительной цѣнѣ, дрова закупаются въ верховьяхъ Десны въ Трубчевскѣ и сплавляются весной на Черниговскую пристань; цѣль была достигнута: себѣ городъ имѣлъ дрова по 18 р., обывателямъ по 20 р. кубъ, рыночныя же цѣны доходили до 22—4 р.

По организаціи дровяной операціи много потрудился членъ Управы В. И. Харченко.

Канализаціи Черниговъ не имѣетъ, но содержитъ для очистки городскихъ зданій и обывательскихъ дворовъ ассенизаціонный обозъ съ герметическими бочками и насосомъ, устроенный въ 1896 г., по иниціативѣ бывшаго Губернатора Е. К. Андреевскаго, на средства, отпущенныя Мин. Вн. Дѣлъ.

Въ 1905 г. устроена городская баня.

Въ 1898 г. устроены городскія мясныя лавки, въ 1899 г. мясной обозъ и въ 1900 г. новыя скотобойни и при нихъ заводы кишечный, салотопельный и кожесушильный.

Для надобностей гор. заведеній при Ремесленномъ училищѣ устроена въ 1904 г. литейная, усовершенствованная въ семъ 1908 г.; дѣлаются опыты литья водопроводныхъ трубъ, гидрантовъ и пр.

Городъ тратитъ на содержаніе пожарной команды 9937 р., благоустройства 24274 р. и предпріятій 88442 р., а всего слѣдовательно на благоустрой-

ство въ широкомъ смыслѣ тратится -122.553 р. при общемъ бюджетѣ 306.105 р.

Какъ обывателямъ, такъ и въ особенности городу, въ кредитныхъ операціяхъ много помогаетъ Городской Общественный Банкъ, основанный въ 1875 г., городъ получаетъ ежегодно до 40000 р. изъ его прибылей на городскія надобности и 3000—4000 на общественное призрѣніе.

Въ 1893 г. открыто отдѣленіе Государственнаго Банка, въ 1899 г. городомъ, для нуждъ бѣднѣйшаго населенія, устроенъ Городской ломбардъ въ 1905 г. открылось отдѣленіе Южно-Русскаго промышленнаго банка.

Устройство школьныхъ зданій, дорого-стоющихъ сооруженій водопровода, электрической станціи, бани, скотобоенъ съ заводами, кирпичнаго завода, открытіе ломбарда повело къ задолженности Чернигова, долги достигли 561,187 р., на уплату и погашеніе долговъ тратится 43,822 р.; стоимость городскихъ зданій безъ живого инвентаря и оборудованія ихъ по страховой оцѣнкѣ 395,555 р.

Наличность предпріятій расширяетъ городскую смѣту, поэтому маленькій чиновничій городъ съ населеніемъ около 30000 имѣетъ смѣту свыше 306,000 р.; причемъ налоги и пошлины даютъ всего около 40000 р., доходы же съ имуществъ, предпріятій, изъ прибылей Банка и ломбарда 240,568 р., прочее составляетъ возвратъ расходовъ отъ казны по расквартированію войскъ, содержанію полиціи и разные доходы.

Если предпріятія даютъ значительныя суммы, то они поглощаютъ много на свое содержаніе; затѣмъ тяжелымъ бременемъ на городѣ лежатъ обязательные расходы на полицію, воинскую квартирную повинность, поэтому у города не хватаетъ средства на бездоходныя сооруженія мостовыя, пожарную часть, медицину, народное образованіе и пр.; хотя по своимъ средствамъ городъ расходуетъ и наибольше на народное образованіе (свыше 41000 р.)

Если изъ общаго бюджета г. Чернигова въ 306,105 р. исключить расходы оборотные (сод. предпріятій, имуществъ, уплату налоговъ и долговъ по предпріятіямъ) 142563 р., то получится смѣта на другія нужды города 163.542 р., а именно: народное образованіе 41715 р., содержаніе гор. общ. Управленія и Сиротскаго суда 29.019 р., благоустройство—24.274 р., полиція—21.706 р., медицина и санитарія—16.217 р., войска—15.202 р., пожарная часть—9.937 р., общественное призрѣніе—5.627 р., содержаніе губ. по зем. и гор. дѣламъ присутствія 439 р.

Городу предстоитъ крупный расходъ на постройку цѣлой группы просвѣтительныхъ заведеній. Старый обветшалый театръ пятидесятыхъ годовъ

подлежалъ сломкѣ, но бывшему губернатору А. А. Хвостову удалось переделать его на лѣтній.

Дума еще предъ войной рѣшила строить новый театръ, но министерство не разрѣшило займа. Нынѣ въ ознаменованіе тысячелѣтія рѣшено строить театръ съ народной аудиторіей, библіотекой и музеемъ; этимъ учрежденіямъ желаютъ присвоить наименованіе «народнаго дома».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

S